

«ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ГЕРМОГЕНА, УСТРОИТЕЛЯ КИРЕНСКОГО И АЛБАЗИНСКОГО МОНАСТЫРЕЙ» УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК СИБИРСКОЙ АГИОГРАФИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В. А. ПУШКАРЕВ

Аннотация: Иеромонах Гермоген относится к числу выдающихся подвижников Русской Православной Церкви, несших свое служение в Восточной Сибири. Здесь во второй половине XVII в. его трудами были основаны два монастыря. Он был добрым пастырем для русских первопоселенцев Приамурья, являя пример христианского смирения и благочестия. Сразу же после смерти иеромонаха Гермогена (1690) началось его народное почитание, а в 1858 г. появилось его «Житие». Это рукописный текст, составленный из двух Слов, сказанных в дни памяти праведника. В 1910 г. рукопись была приобретена Императорской публичной библиотекой. В настоящем издании впервые публикуется полный комментированный текст «Жития». Предварительный анализ этого документа позволил выявить использованные при его составлении источники и установить личность агиографа. Вместе с тем значительный объем содержащихся в тексте исторических фактов обусловил подготовку большого корпуса примечаний, уточняющих, дополняющих или опровергающих эти сведения. «Житие преподобного Гермогена» является уникальным памятником сибирской агиографии середины XIX в. Помимо того, что «Житие» представляет очевидную историко-культурную ценность, оно является убедительным подтверждением широкого народного почитания о. Гермогена в дореволюционной России и может послужить веским основанием его церковного прославления.

Ключевые слова: агиография, рукопись, иеромонах Гермоген Киренский и Албазинский, архимандрит Гавриил (Воскресенский), Усть-Киренский Троицкий монастырь, Албазинский Спасский монастырь, народное почитание.

Знакомясь с историей освоения и заселения русскими людьми Восточной Сибири во второй половине XVII в., невозможно пройти мимо фигуры иеромонаха Гермогена, ставшего первым строителем церковной жизни на далекой окраине Русского государства. В 1663 г. в верховье р. Лены он основал Усть-Киренский

Троицкий монастырь, но уже спустя два года был вынужден его покинуть. Убившие местного воеводу киренцы, спасаясь от наказания, ушли далеко на Амур и взяли с собой иеромонаха Гермогена. Он со смирением принял этот плен и стал добрым пастырем для беглых преступников. Под его духовным окормлением киренцы осели на Амуре, где отстроили Албазинский острог и занялись мирным хозяйством. Близ острога в 1671 г. о. Гермоген основал Спасский монастырь, ставший духовным центром всего русского Приамурья. По преданию, именно о. Гермоген впервые принес на Амур чудотворный образ Божией Матери, почитаемый с тех пор как Албазинский. Утверждение русского присутствия в левобережном Приамурье вызвало недовольство соседней державы. В 1685 г. Албазинский острог, Спасский монастырь и другие селения были уничтожены маньчжурами. Русские люди вынуждены были покинуть пепелище. Иеромонах Гермоген вернулся в основанный им Усть-Киренский монастырь, где в 1690 г. почил и был погребен¹.

Народное почитание старца Гермогена началось сразу же после его смерти. В память о нем в Усть-Киренском монастыре часто совершались панихиды. К месту его погребения приходили многочисленные паломники, которые свидетельствовали о чудесах, явленных по молитвам старцу. В 1788 г. усердием игумена Вонифатия (Березина) над могилой о. Гермогена была устроена каменная гробница. Авторству этого же настоятеля принадлежит первый портрет о. Гермогена, который положил начало формированию его иконописного образа.

Во второй половине XIX в. память об иеромонахе Гермогене распространилась далеко за пределы Киренского уезда и достигла Приамурья, где двумя веками раньше он также подвизался в трудах и молитвах. Теперь этот регион снова стал достоянием России, сюда же переместился центр епархиального управления обширной Камчатской, Курильской и Благовещенской епархии. Многие архиереи, прежде чем занять Благовещенскую кафедру, проходили служение в Прибайкалье, а трое из них и вовсе начинали архиерейское служение викарными епископами Киренскими. Несомненно, они способствовали распространению почитания о. Гермогена среди своей новой паствы. Начиная с 1886 г. ежегодно во всех причтах епархии совершались панихиды и заупокойные литургии о блаженном упокоении иеромонаха Гермогена, первого подвижника и проповедника веры и благочестия на Амуре.

В 1916 г. имя иеромонаха Гермогена Киренского было включено в проект «Сибирского патерика», сборника жизнеописаний «прославленных угодников Божьих и непрославленных подвижников веры и благочестия, кои родились или подвизались в пределах Азиатской России». Однако в связи с известными печальными событиями дальнейшая реализация этого проекта оказалась невозможной.

В настоящее время память о иеромонахе Гермогене возрождается на местах его служения — в современных Братской и Благовещенской епархиях. Здесь, как и до революции, ему регулярно служат панихиды, создают его иконописные об-

¹ Жизнеописание Ермогена Киренского и Албазинского / сост. В. А. Пушкарев. Благовещенск, 2021.

разы. В сознании православных жителей Приамурья личность о. Гермогена неразрывно связана с Албазинской иконой Божией Матери, широкое почитание которой также возродилось в 1990-е гг. В 2015 г. архиепископом Благовещенским и Тындинским Лукианом (Куценко) был составлен акафист древней амурской святыне, отразивший ключевую роль старца Гермогена в истории ее обретения: «Видяще, Преплагая Владычице, усердие старца Ермогена, священноинока обители Усть-Киренския, благоизволила еси рукама сего образу Твоему святому на землю Амурскую принестися, у него же Великому Промыслителю Богу поем, Аллилуйя». Кроме того, в 2020 г. архиепископом Лукианом была образована епархиальная комиссия по канонизации иеромонаха Гермогена. В задачи комиссии входит сбор и систематизация сведений о жизни и трудах праведника, его посмертном и современном почитании. В обозримой перспективе все собранные материалы будут переданы на рассмотрение в Синодальную комиссию по канонизации святых².

Первые ценные сведения о земной жизни иеромонаха Гермогена были собраны еще игуменом Лаврентием (Мордовским). В 1805–1808 гг., будучи настоятелем Усть-Киренского монастыря, он составил его «Историческое описание». С некоторыми дополнениями о событиях, последовавших после его игуменства, брошюра Лаврентия была опубликована в 1841 г.³

Помимо аутентичных монастырских источников Лаврентий (Мордовский) использовал в своей работе исторический труд Герарда Миллера⁴, известного собирателя сибирских древностей. Сам он ссылается на Миллера только единожды — при упоминании неординарной личности Ерофея Хабарова⁵. Однако явные заимствования обнаруживаются и в других местах. Очевидно, что именно у Миллера взяты эпизоды убийства илимского воеводы людьми Никифора Черниговского, их последующего бегства на Амур и основание о. Гермогеном Спасского монастыря близ Албазина⁶. Но у Лаврентия (Мордовского) появляется дополнительная деталь — указание на то, что иеромонах Гермоген оказался в Албазине против своей воли, так как был увлечен бежавшими сюда черниговцами.

Другой раз Миллер упоминает о. Гермогена, даже не называя его имени, в числе прочих албазинцев, находившихся летом 1685 г. в осажденном остроге и вскоре его покинувших. Опираясь на этот сюжет, Лаврентий пытается высветить особую роль старца в период осады. Но вместе с тем он совершенно игнорирует

---

² Пушкарев В. А. «Народное мнение на стороне его святости»: к вопросу о канонизации иеромонаха Ермогена, первого подвижника веры и благочестия на Амуре // Культура и наука Дальнего Востока. 2021. № 2 (31). С. 56–59.

³ Лаврентий (Мордовский), игум. Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря. М., 1841.

⁴ Миллер Г. Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. Т. IV. Июль-октябрь. 1757. С. 123–326.

⁵ Лаврентий (Мордовский), игум. Указ соч. С. 4.

⁶ Ср.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 196–197, 199; Лаврентий (Мордовский), игум. Указ. соч. С. 6–7.

сообщение Миллера о разделении беженцев на две группы и вместе с другими албазинцами «отправляет» о. Гермогена в Нерчинск⁷.

Намеченная игуменом Лаврентием (Мордовским) линия жизни преподобного старца приобрела канонический характер и впоследствии много раз воспроизводилась в исторической литературе⁸.

Кроме того, этот краткий биографический очерк получил и агиографическое развитие, так как лег в основу «Жития преподобного Гермогена». Оно представляет собой рукописный текст на 44 листах (21,6 x 17,4 см), сшитых в одну тетрадь. На титульном листе значатся время и место его создания — Киренск, 14 сентября 1858 года. В 1910 г. данная рукопись была приобретена Императорской публичной библиотекой⁹ (ныне — Российская национальная библиотека), в фонде которой хранится по сей день¹⁰.

«Житие» имеет двухчастную структуру — состоит из двух Слов, произнесенных в дни поминовения иеромонаха Гермогена — 10 декабря (день тезоименитства) и 19 декабря (день кончины). Вероятно, имеется в виду декабрь 1857 г., а указанная на титульном листе дата — это день окончания работы над рукописью.

Первое Слово (л. 2–13), сказанное 10 декабря, можно определить как биографическую часть жития. В ней заключено повествование о земной жизни Гермогена. Это компилятивный текст, составленный из нескольких источников. За основу был взят очерк Лаврентия (Мордовского). Автор «Жития» заимствует у него не только общую канву исторических фактов, но также характерные обороты речи и даже целые предложения:

Лаврентий (Мордовский)	Автор «Жития» Гермогена
«Илимской Спасской церкви священник Амвросий Леонтьев, сын Толстоухов, согласясь с приходскими людьми Ленского волока крестьянами и промышленными, 15 марта 1663 года подал челобитную бывшему тогда Илимскому воеводе Лаврентию Авдеевичу Обухову, в которой просил он позволения построить помянутый монастырь, собрать братию и отвести монастырю земли, назначив притом в просьбе	«В 1663 году народонаселение в Киренском Никольском погосте так было велико, что Илимской Спасской церкви священник Амвросий Леонтиев Толстоухов, согласясь с приходскими людьми Ленского волока, 15 марта подал челобитную илимскому воеводе Лаврентию Авдеевичу Обухову о дозволении построить в Киренске монастырь, собрать братию и отвести к монастырю приличное количество земли.

⁷ Ср.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 214, 215; Лаврентий (Мордовский), игум. Указ. соч. С. 7.

⁸ Голубев И. К. Свято-Троицкий Усть-Киренский мужской монастырь (Иркутской епархии): Историко-археологический очерк. СПб, 1894; Артемьев А. Р. Икона Албазинской Божией Матери // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток, 1995. № 5. С. 131–134; Дмитрук А., прот. Патерик Сибирских святых и подвижников благочестия. М., 2006; Мангилев Петр, прот. Ермоген // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 647–648; Игнатий (Чигвинцев), иером. Иеромонах Гермоген — молитвенник о земле Приамурской. История жизни и современное почитание // Дорохинские чтения. 2009. Вып. 3. С. 22–30; Степанов Д. Ю. Русская Православная Церковь в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в последней трети XVII века // Родина. 2012. № 10. С. 140–144 и др.

⁹ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1910 г. Петроград, 1915. С. 75.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 550. Д. Q.I.1454. Л. 1–44.

Лаврентий (Мордовский)	Автор «Жития» Гермогена
своей строителем монастырю сему иеромонаха Ермогена <...> Но Ермоген не увидел конца достохвальных стараний и трудов своих...» ¹¹	Просители в челобитной строителем монастыря назначили иеромонаха Гермогена <...> Но человек Божий не успел привезти в совершенство достохвальных своих подвигов» ¹² .

Кроме того, агиограф, так же как и его предшественник, активно пользуется сочинением Миллера, вплетая в канву житийного повествования образные выражения немецкого историка:

Герард Миллер	Автор «Жития» Гермогена
«Коротко сказать, страна по реке Амуру прослыла Новым Ханааном и Райскою в Сибири землю. Всякой желал иметь в ней участие. Многие оставили дома, жен и детей своих, представляя себе несравненно лучшее житие при Амуре, нежели каковое имели при реке Лене» ¹³ .	«Издавна сильный словом и делом Хабаров, нуждаясь в толпе отчаянных людей для завоевания Даурии, прославил побережья Амура неисчерпаемым Ханааном, райскою в Сибири землю, новою Россиею, так что многие ленские жители бежали туда и тайно, и явно, оставляя даже дома, жен и детей» ¹⁴ .

Что же касается самих фактов, почерпнутых у Миллера, то к ним агиограф относится избирательно. Некоторые из них он дополняет новыми деталями, другие же вовсе игнорирует. Яркий пример такого подхода — история оставления албазинцами осажденной крепости:

Герард Миллер	Автор «Жития» Гермогена
«Строитель Спасского монастыря незадолго пред тем достроенного, священник находящейся в остроге церкви Воскресения Христова и все жители пришел 22 июня к воеводе, просили, чтоб послать переговорить с китайцами о свободном их отпуске в Нерчинск, что и сделалось. Но прежде выходу воевода и все люди позваны были в китайский лагерь, где со многими обнадеживаниями стали их уговаривать, чтоб предались на китайскую сторону. Токмо не было более 25 человек, которые польстились на оныя обещания; прочия гнушась такою неверностию, пошли с Толбузиным,	«Иеромонах Гермоген 22 июня начал просить воеводу, чтобы он хотя для опыта послал к китайцам переговорщика с требованием свободного пропуска всем жителям Албазина в Нерчинск. Толбузин, убежденный просьбой старца, послал к китайцам толмача, приказав объявить им, что тогда только Албазин сдаться, когда китайцы обяжутся дать свободный пропуск в Нерчинск всем албазинским жителям с их имением. Неприятель согласился, но оставляя город, русские должны были проходить чрез китайский лагерь между двумя сплошными стенами вооруженных воинов, среди коих по местам на столах поставлены были роскошные яствы и пития, лакомые для

¹¹ Лаврентий (Мордовский), игум. Указ. соч. С. 3, 5–6.

¹² ОР РНБ. Ф. 550. Д. Q.I.1454. Л. 3, 4.

¹³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 102.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 550. Д. Q.I.1454. Л. 5.

Герард Миллер	Автор «Жития» Гермогена
будучи прежде лишены от китайцев всего их имения, кроме самого нужного запаса, чем до Нерчинска дойти можно» ¹⁵ .	человека голодного. Китайцы их останавливали, угощали, обольщали всеми мерами, осыпали дарами, похвалами, ласками, обещаниями, склоняли перейти к ним: обольщение не имело успеха» ¹⁶ .

В этом примере хорошо видны все варианты намеренного искажения первоначальной информации. Во-первых, внимание акцентируется на роли отдельной личности: единственным инициатором мирных переговоров с китайцами оказывается старец Гермоген. Во-вторых, осуществляется упрощение фактов: неприятель соглашается отпустить албазинцев со всем их имением, хотя, по Миллеру, они были лишены почти всего имущества. В-третьих, вводятся дополнительные подробности, усиливающие образное восприятие ситуации: в китайском лагере появляются столы с лакомыми яствами и питьем. И, наконец, в-четвертых, сообщается явная неправда: обольщение не имело успеха, хотя, по Миллеру, как минимум 25 человек предались на китайскую сторону.

В «Житии» мы находим еще целый ряд деталей, которых нет ни у Миллера, ни у Лаврентия (Мордовского). Установить их документальные первоисточники не удалось. Но таковые, несомненно, имелись, поскольку в распоряжении агиографа находилась обширная монастырская библиотека, которая насчитывала до 1400 рукописей, архивных дел бывшего киренского духовного управления, различных книг (в том числе на иностранных языках) и периодических изданий¹⁷. Вполне возможно, что некоторые элементы текста возникли в результате письменной фиксации устного предания.

Именно таким способом сформировано второе Слово жития (л. 13–43 об.), в котором собраны свидетельства посмертных явлений преподобного старца и связанных с его почитанием чудес. Всего зафиксировано 27 таких случаев. Почти все они имеют точную датировку (с 1794 по 1857 г.) и отсылку к реальным личностям свидетелей — насельников и служителей монастыря, а также жителей Киренска и прочих селений Киренского уезда. В этом ряду чаще других встречается фамилия Пежемских. Представители этого известного в Прибайкалье купеческого рода выступили свидетелями по восьми эпизодам. Многие случаи были записаны со слов паломников, приходивших отслужить панихиду над гробом старца Гермогена с благодарением за явленные чудеса.

Условно все эти чудеса можно разделить на три категории. Большую их часть составляют свидетельства об исцелениях, произошедших по молитвам преподобному старцу. Другую категорию чудес составляют случаи, когда святой старец являлся к насельникам или служителям монастыря с целью их отеческого вразумления, а подчас и сурового обличения. Третья группа чудес и видений связана с местом погребения старца.

¹⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 213.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 550. Д. Q.I.1454. Л. 8 об. — 9.

¹⁷ Голубев И. К. Свято-Троицкий Усть-Киренский мужской монастырь (Иркутской епархии): Историко-археологический очерк. СПб., 1894. С. 14.

Завершается «Житие» традиционным для агиографического произведения молитвенным обращением: «О преподобне отче Гермогене! Если ты имеешь дерзновение ко Господу, молись за великодушного монарха и весь императорский дом! Молись за любезное твое отечество и град сей, в коем ты основал свою обитель! Молись за нас, недостойных детей твоих! Молись вечно и пламенно! Аминь»¹⁸.

Позже на последнем листе рукописи была помещена еще одна запись — «31 октября 1864 года тотчас после службы в 10 ½ часов утра вспыхнула Алексеевская церковь, где почивает Гермоген. Спасли только иконостас и прочую церковную утварь. Неизвестно, невредимы ли мощи, потому что кирпичный склеп слегка лопнул, а под ним лежит ведь еще каменная плита, под которой уже гробница Гермогена»¹⁹.

Эта запись вызывает ряд вопросов. Прежде всего складывается впечатление, что сделана она человеком, не являвшимся очевидцем описанного пожара и его последствий. Эту догадку усиливает отсутствие документальных подтверждений данного происшествия. Зато в епархиальной прессе находим подробное описание пожара, вспыхнувшего в Алексеевской церкви 21 октября 1863 г. По свидетельству тогдашнего настоятеля монастыря архимандрита Димитрия, над могилой старца Гермогена огонь чудесным образом ослабевал, что он расценил как «знамение Всемогущего Господа, хранящего все кости праведников». После пожара отец Димитрий «распорядился немедленно устроить под плитою, покрывающею склеп могильный, простую небольшую деревянную гробницу в виде памятника»²⁰. Но в рукописи «Жития» нет записи ни об этом пожаре, ни о каких-либо иных событиях, происходивших в последующие годы, в которых монахи усматривали особые знамения, связанные с почитанием о. Гермогена.

Из этого можно сделать вывод, что в период между 1858—1863 гг. рассматриваемая рукопись оказалась далеко за пределами Усть-Киренского монастыря и более туда не возвращалась. Неизвестно, имелись ли другие экземпляры «Жития», но есть основания склоняться к отрицательному выводу. В конце XIX в. монастырь посетил исследователь церковных древностей И. К. Голубев, опубликовавший небольшой историко-археологический очерк об обители²¹. Основным источником информации для него, несомненно, послужила брошюра Лаврентия (Мордовского), а вот явных заимствований из «Жития» в очерке не видно. Примечательно и то, что, давая общую характеристику богатой монастырской библиотеке, Голубев называет наиболее ценные документы, хранящиеся в ней, но «Житие» основателя монастыря в этом обзоре не упоминается. Вряд ли этот уникальный агиографический памятник мог оказаться безынтересным исследователю.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Д. Q.I.1454. Л. 43 об.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ Пожар в Киренском монастыре // Иркутские епархиальные ведомости. № 46 от 16 ноября 1863. С. 271—273.

²¹ Голубев И. К. Свято-Троицкий Усть-Киренский мужской монастырь (Иркутской епархии): Историко-археологический очерк. СПб., 1894.

Судя по всему, «Житие Гермогена» существовало в единичном экземпляре. Остается только выяснить, как известная нам рукопись, созданная в 1858 г. в Киренске, спустя полвека оказалась в Санкт-Петербурге — в фонде Императорской публичной библиотеки. Решить эту загадку можно, обратившись к биографии предполагаемого создателя рукописи.

Сама рукопись не содержит прямых указаний на ее авторство. При этом, как следует из заголовков, письменному тексту предшествовали два устных выступления, произнесенных в монастыре в дни памяти о. Гермогена. Логичнее всего предположить, что в роли оратора, а впоследствии и агиографа выступил тогдашний настоятель монастыря. В 1852—1861 гг. эту должность занимал архимандрит Гавриил.

Следует сказать несколько слов об этом неординарном человеке. Архимандрит Гавриил (в миру Василий Николаевич Воскресенский) принадлежал к числу ученого монашества. В 1834—1850 гг. он был профессором Казанского университета. В это время им была написана и опубликована «История философии» — первое в стране учебное пособие такого рода, отдельный раздел которого был посвящен истории русской философской мысли. По замечанию многих современников, монашествующий профессор был искусным оратором. Помимо академических лекций и церковных проповедей он часто выступал с торжественными речами и поучительными словами на важных городских мероприятиях. Впоследствии они печатались в местной периодике или издавались в виде отдельных брошюр.

Параллельно с научно-педагогической и общественной деятельностью с 1829 г. архимандрит Гавриил был настоятелем Успенского Зилантова монастыря, описанию которого он также посвятил книгу. В казанском обществе ученый монах пользовался огромной популярностью, но церковные власти недолюбливали его за «недостаток смирения и благопокорливости». По настоянию архиепископа Казанского Григория (Постникова) в 1852 г. архимандрит Гавриил был переведен в Иркутскую епархию настоятелем Усть-Киренского Троицкого монастыря, что фактически означало для него ссылку²².

Во второй части «Жития» говорится о некоем бывшем настоятеле Зилантова Казанского монастыря, который, будучи «летами уже старый», с тревогой воспринял свой перевод в далекий Киренск, но все-таки покорился воле Божьей и полюбил место нового служения (эпизод № 22). По всей видимости, этот же настоятель, чрезмерно занятый метеорологическими наблюдениями, фигурирует в эпизоде № 24. В обоих эпизодах подробно описаны все его внутренние сомнения, тревоги и озарения, вплоть до того, что преподобный Гермоген «в душе настоятеля оставил такое веселье, которого довольно изъяснить нет возможности»²³. Примечательно, что в этих изобилующих биографическими деталями и интимными подробностями текстах упускается имя самого настоятеля, не указаны и годы произошедших с ним чудес. Их временной диапазон можно определить в контексте хронологической последовательности всех остальных,

²² Казарян А. Т. Гавриил (Воскресенский) // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 213—214.

²³ ОР РНБ. Ф. 550. Д. Q.I.1454. Л. 24.

строго датированных эпизодов. Это 1852–1854-е гг., т. е. начало настоятельского служения архимандрита Гавриила в Усть-Киренском монастыре.

Именно его и следует считать автором «Жития». Составленное как сводный конспект двух устных выступлений, оно вместе с тем воспринимается как целостное произведение, выстроенное по традиционным агиографическим канонам. Вполне вероятно, что архимандрит Гавриил планировал опубликовать его отдельной брошюрой, однако новые перемены в жизни ученого монаха не позволили довести это дело до конца.

В начале 1861 г. он был переведен на служение во Владимирскую епархию, где первоначально был настоятелем Михайло-Архангельского монастыря в Юрьеве-Польском, а в 1866 г. возглавил братию Спасо-Преображенского монастыря в Муроме. Здесь 10 мая 1868 г. и завершилась земная жизнь архимандрита Гавриила.

В его покоях было обнаружено две сотни книг и множество беспорядочно хранившихся бумаг — предписаний церковного начальства, личных писем, черновики различных сочинений и прочих документов. Наследницей всего имущества архимандрита Гавриила стала его сестра Марья Николаевна Поспелова, жившая в Рязани. Вместо нее (по доверенности) «все сполна получил» ее сын, отставной штабс-капитан Иван Петрович Поспелов²⁴. Надо полагать, что среди бумаг покойного архимандрита была и неприметная рукопись «Жития Гермогена», которая после полувекового пребывания в частных руках стала достоянием Императорской публичной библиотеки. К сожалению, подробные обстоятельства этого приобретения не известны.

Первую публикацию «Жития» в 2015 г. осуществил Г. Б. Красноштанов²⁵. По его признанию, интерес к личности иеромонаха Гермогена возник у него в рамках работы над биографией Никифора Черниговского²⁶. В это издание вошла и ранее опубликованная им статья, посвященная возвращению о. Гермогена из Албазина в Киренск²⁷. Опираясь на солидный корпус архивных материалов, историк доказал, что указанный путь не имел промежуточной остановки в Нерчинске. Тем самым был развенчан миф, повторявшийся во многих публикациях со времен Лаврентия (Мордовского).

Аналогичный подход был применен Г. Б. Красноштановым при публикации «Жития Гермогена», которое разочаровало его отсутствием каких-либо новых сведений и обилием данных, не согласующихся с архивными источниками. Текст «Жития» был опубликован им в сокращенном виде. В публикацию вошли преимущественно фрагменты первой части, которые Г. Б. Красноштанов сопроводил своими критическими замечаниями. Вторая часть вовсе оказалась неинтересна историку, поэтому он ограничился простым перечислением фамилий людей, из

²⁴ Ванчугов В. В. Первый историк русской философии: Архимандрит Гавриил и его время. М., 2015. С. 714–715.

²⁵ Красноштанов Г. Б. Еще раз о черном попе Ермогене // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2015. Вып. 7. С. 41–49.

²⁶ Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск, 2008.

²⁷ Красноштанов Г. Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2005. Вып. 4. С. 7–24.

чьих свидетельств был составлен этот текст и кратким конспектом истории трех пожаров, произошедших в монастыре в XIX в.

Такой методологический подход, при котором агиографический памятник анализируется исключительно как исторический источник, следует признать ошибочным, поскольку он совершенно игнорирует специфику житийной литературы. Разумеется, это не означает, что выполненная Г. Б. Красноштановым историческая критика «Жития» не имеет научной ценности. Напротив, большинство его замечаний, подкрепленных ссылками на архивные документы, были учтены в нашей работе. Главная же заслуга Красноштанова состоит в том, что он обнаружил эту рукопись и ввел ее в научный оборот.

В настоящем издании представлен полный текст «Жития Гермогена», публикуемый в современной орфографии и пунктуации. Сокращенные слова и слова «под титлом» раскрыты, надстрочные вставки внесены в строку без графического выделения. С учетом смыслового содержания текста в нем сделаны абзацные отступы. Примечания составителя рукописи, выполненные в виде подстрочных сносок, помещены в основном тексте — помечены знаком «*» и заключены в квадратные скобки.

ОР РНБ. Ф. 550. Д. Q.I.1454. 44 л. Подлинник. Рукопись.

(Л. 1) ЖИТИЕ

**Преподобного Отца нашего Гермогена, основателя
Свято-Троицкого Киренского, Албазинского, Камарского Спасских Монастырей
в двух словах на день Его преставления изображенное
Киренск. Сентября 14 дня, 1858 года**

(Л. 2) СЛОВО

**на память преподобного отца нашего Гермогена,
основателя Киренской обители, декабря 10 дня²⁸**

*Их же не бе достоин весь мир, в пустынях скитающаяся и
в горах и в вертепах и в пропастях земных. Евр. Гл. XI. Ст. 38.*

Так! Вся жизнь преподобного отца нашего Гермогена, основателя сей богохранимой обители есть истинное скитальничество чрез горы, чрез вертепы, чрез пропасти земли и воды. Из святой России в Усть-Киренскую пустынь, (л. 2 об.) из Усть-Киренской пустыни в Албазин на Брусной камень, из Албазина в Нерчинск, из Нерчинска в сию обитель!²⁹ Но скитательничество, в коем благоговейный труженик каждую мысль, каждое биение сердца, каждое дело освящает молитвою, любовью к Богу и человечеству, приятно для Неба, спасительно для земли. Илья, Елисей, Антоний, Павел, Преподобный Сергей, Феодосий Тотем-

²⁸ Память мучеников Мины, Ермогена и Евграфа Александрийских.

²⁹ О подлинном маршруте возвращения Гермогена из Албазина в Усть-Киренский монастырь будет сказано ниже.

ский, пустынники! Но если бы не было сих молитвенников, то целый мир давно бы погиб подобно Содому и Гоморре. — «Их же не бе достоин весь мир, в пустынях скитающиеся и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных». В настоящее время, когда Вы, Бл. Сл. (л. 3) собрались в святой храм сей, ко гробу преподобного отца нашего Гермогена почтить память его, не беспричинно будет вспомануть о тех богоугодных трудах и подвигах, которыми в земной жизни наипаче украшался сей блаженный старец, основатель Киренской обители.

В 1663 году народонаселение в Киренском Никольском погосте³⁰ так было велико, что Илимской Спасской церкви священник Амвросий Леонтиев Толстоухов, согласясь с приходскими людьми Ленского волока, 15 марта подал челобитную илимскому воеводе Лаврентию Авдеевичу Обухову о дозволении построить в Киренске монастырь, собрать братию и отвезть к монастырю приличное количество земли. Просители (л. 3 об.) в челобитной строителем монастыря назначили иеромонаха Гермогена. Преподобный Гермоген июля 1 числа³¹ от себя подал прошение тому же воеводе, испрашивая разрешения на Киренском Никольском погосте устроить храм Живоначальной Троицы с пределом Алексия человека Божия и основать монастырь. И по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Алексия Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца, воевода Лаврентий Авдеевич Обухов отдал прописанную землю преподобному Гермогену под Троицкий монастырь. По сей грамоте преподобный Гермоген при устье реки Киренги основал монастырь и назвал его Усть-Киренскою пустынею. Вскоре по благословенной (л. 4) грамоте Симеона, митрополита Тобольского и Сибирского, он построил первоначальную церковь Живоначальной Троицы с приделом Алексия, Божия человека³². Неукротимый Ерофей Хабаров³³, смягченный наставлениями преподобного, обогатил монастырь землями, мельницами и рыбными ловлями. Еще при жизни преподобного обитель владела всеми землями Хабарова от Усть-Куты до Олекмы и от устья Киренги по Окунаевское имение со всеми угодьями и крестьянами. Но человек Божий не успел привести в совершенство достохвальных своих подвигов.

³⁰ Поселение при впадении р. Киренги в р. Лену, основанное в 1630 г. как Никольский погост, с 1665 г. — Усть-Киренский острог, с 1775 г. — город Усть-Киренск.

³¹ Ошибочно указан месяц. В указной памяти воеводы челобитная Гермогена датируется 1 июня (см.: Лаврентий (Мордовский), игум. Указ. соч. С. 29).

³² Владыка Симеон получил прошение о церковном строительстве только 15 октября 1665 г. (см.: Там же. С. 31), когда самого Гермогена уже не было в Усть-Киренской пустыни. При нем же была построена часовня (см.: Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 99, 102). Вероятно, после получения благословенной грамоты митрополита она была перестроена и освящена как церковь.

³³ Ерофей Павлович Хабаров — сибирский промышленник, уроженец Великого Устюга. В 1630-е гг. он поселился в районе верхнего течения Лены, где занимался скупкой пушнины, завел пашню, открыл Усть-Кутскую соляную варницу, в 1641 г. в устье Киренги построил мельницу. В 1649—1653 гг. во главе отряда охочих людей исследовал Приамурье. В 1654 г. под арестом был доставлен в Москву для судебного разбирательства по обвинению в жестоком обращении с амурскими туземцами и собственными казаками. Вина Хабарова была доказана, но за заслуги по освоению сибирских и даурских земель он в 1655 г. получил от царя чин сына боярского и был отправлен в Сибирь. Согласно некоторым источникам, последние годы жизни Хабаров провел в Усть-Киренском остроге, здесь же и был похоронен ок. 1671 г.

В 1665 году приехал в Киренск илимский воевода Лаврентий (*л. 4 об.*) Авдеевич Обухов, разумеется, для надзора за сбором ясака, а может быть, и для того, чтобы присутствием своим извлечь больше пользы для казны или для себя. Верная или не верная, доселе сохранившаяся легенда говорит и то, что герой Обухов, снимая лучшие соболю и лисьи шубки в Киренске, приговаривал: «не вам их носить!» Излишнею ли строгостью и точностью в соблюдении должности, или увлекаясь обычною в то время корыстью, Обухов озлобил народ до того, что на 25-е число июля³⁴ ночью 84 человека киренских и криволучских туземцев, предводительствуемые поляком Никифором (*л. 5*) Романовым-Черниговским³⁵, в 20 верстах от нынешнего города, близ острова Хозаря, напав на его судно, разграбили рухлядь и умертвили его. С этого времени остров Хозарей и по настоящее время называется Обуховским. Мучимые совестью, страшась достойного наказания, они решились спастись бегством. Издавна сильный словом и делом Хабаров, нуждаясь в толпе отчаянных людей для завоевания Даурии, прославил побережья Амура неисчерпаемым Ханааном, райскою в Сибири землею, новою Россиею так, что многие ленские жители бежали туда и тайно, и явно, оставляя даже дома, жен и детей. И (*л. 5 об.*) вот преступники, запасшись всем нужным, взяв насильственным образом преподобного Гермогена и несколько его учеников для исправления духовных треб (черта нравственности, замечательная в злодеях)³⁶, спустились вниз по Лене до устья Олекмы. Произвольные искатели новых приключений, частенько приговаривали старцу: «Тебя, Батка! оставить в Киренске, ты всех нас погубишь». Незвестность места, быстрота реки, пороги, одним словом, ничего не могло остановить их предприятия. Поднявшись до вершины Олекмы, они перевалили через Становой хребет и вышли (*л. 6*) к устью Шилки, спустившись еще до 237 верст от усть-стрелочного караула по течению Амура, они достигли Албазина, разоренного китайцами³⁷, и на пепелище оног паки заложили Албазинский острожек. Албазин снова принял вид крепости, и народонаселение увеличилось³⁸. Здесь преподобный Гермоген был

³⁴ Согласно архивным документам, это произошло в ночь на 28 июня (см.: Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский... С. 75, 81).

³⁵ В действительности в нападении на Обухова участвовали 22 человека. Приказной человек Никольского погоста литвин Никифор Романович Черниговский был одним из организаторов этого нападения, но непосредственного участия в нем не принимал. Однако именно он возглавил ватагу людей, бежавших в Даурскую землю. На Тугирском волоке она насчитывала уже 84 человека (см.: Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский... С. 114–115).

³⁶ Насильственный увод Гермогена неоднократно подвергался историками сомнению. Даже если он был уведен силой, то впоследствии мог покинуть отряд, как это сделали сыновья самого Никифора Черниговского. Однако Гермоген не воспользовался такой возможностью и продолжил путь с разбойничьей ватагой. Более того, он в числе прочих ее участников приложил руку к челобитной, которую они составили в приказной избе на Чечуйском волоке, объясняя свой поступок невозможностью более терпеть обуховский произвол. Вероятно, Гермоген расценил свое пленение как промысел Божий и с христианским смирением принял сей крест — стать добрым пастырем для пленивших его преступников.

³⁷ Это поселение разорили не китайцы, а отряд Ерофея Хабарова. Осенью 1650 г. он захватил городок даурского князя Албазы, где остановился на зимовку. После ухода Хабарова городок пришел в запустение.

³⁸ В 1682–1683 гг. малый острожек с трех сторон был окружен новыми крепостными стенами и стал частью большого острога.

руководителем беглецов на пути их спасения. Он отличался не только святостью жизни, но быстрым и сметливым умом, смелостью и распорядительностью. Так, во время новой постройки и последней осады Албазина китайцами, в которой уже (*л. б об.*) по усмотрению правительства тогда был назначен воеводою Алексеем Ларионович Толбузиным, Гермоген много способствовал умными советами и в строении города, и в управлении оным, и в отражении неприятелей³⁹.

Он был, так сказать, самым бдительным стражем Албазина от врагов, как видимых, так и невидимых. Смирная строптивость убийц силою слова, благородством поступков, святостью жизни, он стяжал глубокое уважение самих злодеев, и когда, ревнуя по Боге, в 1666 году предложил им построить монастырь, то предложение (*л. 7*) сие не только с радостью было принято казаками, поселившимися по Амуру, но и самыми убийцами. Тогда немного повыше Албазина, при месте, называемом Брусняной камень, Гермоген заложил монастырь во имя Спаса Всемилостивого⁴⁰, как бы ходатайствуя о прощении вины заблудшим. Его же старанию приписать должно построение в Албазине кладбищенской церкви Воскресения Христова⁴¹. Это показывает, что преподобный тогда уже не думал возвратиться в свою Киренскую пустыню. В 633 верстах от усть-стрелочного караула на устье (*л. 7 об.*) Камары был издавна также острожек⁴². И русские выходцы упросили там воздвигнуть церковь во имя Спаса Явленного. Преподобный исполнил их желание, и по его ходатайству определен к той церкви священником его воспитанник Димитрий Несторов⁴³. Впоследствии и здесь образовался монастырь. Преподобный Гермоген был игуменом сих монастырей⁴⁴. Но казаки

³⁹ А. Л. Толбузин возглавил Албазинское воеводство в 1682 г. Первая маньчжурская осада Албазина состоялась в июне 1685 г. и завершилась сдачей крепости. Столкновения между защитниками вновь отстроенного острога и маньчжурами возобновились в июле 1686-го и продолжались вплоть до августа 1689 г. Во время второй осады Албазина Гермогена уже не было в крепости, а воевода Алексей Толбузин погиб 16 июля 1686 г.

⁴⁰ В 1666 г. был построен Албазинский острог, монастырь же был основан только в 1671 г. (см.: Миллер. Указ. соч. С. 198). Ниже сам агиограф пишет, что Спасский монастырь существовал всего 12 лет, т. е. ведет отсчет его истории с 1672/73 г.

⁴¹ Церковь не являлась кладбищенской. Она была заложена возле малого острожка в 1673 г., а спустя десять лет оказалась внутри новой крепости.

⁴² Камарский (Кумарский) острог был заложен в ноябре 1654 г. на р. Кумаре, правом притоке Амура, казаками Онуфрия Степанова, возглавившего амурский отряд после ареста Хабарова. В марте 1655 г. Кумарский гарнизон из пяти сотен казаков героически выдержал осаду 10-тысячного маньчжурского войска. Казаки были убеждены, что этой победой они обязаны «явлению от иконы Всемилостивого Спаса и от иконы Пречистая Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии и от всех Святых». Однако в ходе других стычек с маньчжурами и туземными народами Приамурья, а также из-за недостатка провизии амурский отряд быстро уменьшался. Осенью 1658 г. оставшиеся в живых казаки навсегда покинули Кумарский острог. Ко времени прихода Гермогена на Амур его уже не существовало.

⁴³ Дмитрий Несторов (Нестеров) никогда не был священником и уж тем более не служил в монастыре, которого не было. Более подробно о нем будет сказано в последующих комментариях.

⁴⁴ Документальных свидетельств, подтверждающих существование каких-либо монастырских строений на месте бывшего Кумарского острога, нет. Во всех известных документах Гермоген именовался только как «Спасской пустыни строитель», причем сам он себя так называл даже тогда, когда в 1685 г. монастырь уже был сожжен маньчжурами.

по малому числу людей при беспрестанных набегах маньчжуро-китайцев в Камарском остроге не удержались, и священник их возвратился в Албазинский монастырь. В 12 лет монастырь Албазинский (*л. 8*) приобрел многие сенокосные и пахотные земли и рыбные ловли по речкам, в Амур впадающим, и 12 лет Провидению угодно было внимать усердным мольбам благочестивых тружеников, обрашавших к православной вере китайцев и окрестных жителей. 1685 года, июня 12 дня, маньчжуры и китайцы опять водою и сушей подступили под Албазин. Русские защищались отчаянно, у них вышел весь порох и свинец, оставалось биться на саблях. Воевода Толбузин не хотел и слышать о сдаче. Албазинцы, претерпевая сами голод, дабы показать обилие в продовольствии посылали (*л. 8 об.*) в подарок богатые пироги врагам, их осаждающим⁴⁵. Игумен Албазинского и Камарского Спасских монастырей иеромонах Гермоген 22 июня начал просить воеводу⁴⁶, чтобы он хотя для опыта послал к китайцам переговорщика с требованием свободного пропуска всем жителям Албазина в Нерчинск. Толбузин, убежденный просьбою старца, послал к китайцам толмача, приказав объявить им, что тогда только Албазин сдастся, когда китайцы обяжутся дать свободный пропуск в Нерчинск всем албазинским жителям с их именем. (*л. 9*) Неприятель согласился, но оставляя город, русские должны были проходить чрез китайский лагерь между двумя сплошными стенами вооруженных воинов, среди коих по местам на столах поставлены были роскошные яствы и пития, лакомые для человека голодного. Китайцы их останавливали, угощали, обольщали всеми мерами, осыпали дарами, похвалами, ласками, обещаниями, склоняли перейти к ним⁴⁷: обольщение не имело успеха⁴⁸. Старец с воеводой и народом отправился

⁴⁵ Первая осада длилась всего десять дней и закончилась переговорами о сдаче крепости. Сведения о голоде и о подаренном маньчжурам пироге, очевидно взятые агнографом из сочинения Г. Миллера, относятся к 1687 г. (см.: Миллер Г. Указ. соч. С. 224–225), т. е. ко времени второй осады. Что же касается осады 1685 г., то она подробно была описана самим Гермогеном в челобитной, составленной им от имени всех албазинцев вскоре после их выхода из острога. Челобитная, адресованная царственным братьям Ивану V и Петру I, была подана Гермогеном воеводе Алексею Толбузину (РГАДА Ф. 214. Оп. 3. Ст. 973. Л. 198–201). Спустя несколько дней на основании этого документа Толбузин составил собственную отписку Енисейскому воеводе князю Константину Щербатову (ДАИ. Т. 12. № 12. С. 110–111).

⁴⁶ Сам о. Гермоген пишет, что это было коллективное обращение, Толбузин — что о начале переговоров с неприятелем его просили «черной поп Ермоген да Воскресенской церкви поп Феодор Иванов и всяких чинов служилые и торговые и промышленные люди и пашенные крестьяне».

⁴⁷ В челобитной самого о. Гермогена и в отписке Толбузина сказано, что маньчжуры «в таборы к себе имали, а к царю своему богдокану служить призывали и многим жалованием и честью и дары от царя своего прельщали», но албазинцы, «памятуя православную христианскую веру и великих государей премногую милость, и ко Господу Богу и к великим государем свое обещание и крестное целование, на их прелесть не сдались, и богдойскому их царю служить не пошли, и на многое жалование и дары не обольстились».

⁴⁸ Взяв описанный эпизод у Г. Миллера, агнограф игнорирует важное замечание историка: «Токмо не было более 25 человек, которые польстились на оныя обещания» (Миллер Г. Указ. соч. С. 213). Согласно китайским документам, во время первой осады Албазина 45 казаков с несколькими женщинами и детьми согласились уйти в Китай. Всего же во время русско-маньчжурского противостояния 1680-х гг. были захвачены в плен или добровольно перешли

в Нерчинск⁴⁹ и там основал Введенский Нерчинский монастырь⁵⁰, а Спасский и Камарский монастыри в Албазине, устроенные преподобным (л. 9 об.), и кладбищенская церковь Воскресения Христова были разрушены китайцами до основания. Ученики преподобного, священники: Албазинской Воскресенской церкви Максим Леонтьев и Камарский Явленного Спаса Дмитрий Несторов с сотней албазинцев увлечены китайцами в Пекин⁵¹, и там в середине города, недалеко от дворца, в русском подворье от богдыхана дарованном, по благословению Тобольского митрополита основали Сретенский монастырь и приходскую церковь Успения пресвятой Богородицы подле северной стены города. Первым священником в монастыре был (л. 10) Леонтьев⁵², а в приходской церкви — Несторов⁵³. Албазинцы все причислены к войску желтого знамени, или к гвардии, и богдыхан как лучших своих телохранителей почтил их титулом мандаринов.

В Сретенский монастырь 1857 г. 25 апреля отправлена новая Миссия. Начальником оной Архимандрит Гурий, при нем три иеромонаха, иеродиакон. Один из иеромонахов постоянно будет жить при Северном храме Успения для исправления духовных треб при Албазинской сотне. Пекинский монастырь ныне великолепно процветает при покровительстве китайских (л. 10 об.) и российских монархов. Доселе Русская духовная миссия, и выходцы Албазина, образован-

---

на службу к маньчжурам от 40 до 150 человек. Сам агиограф ниже говорит, что сотня китайцев была увлечена в Пекин.

⁴⁹ Согласно архивным документам, на реке Урка албазинцы разделились, чтобы всем вместе не умереть голодной смертью. Отряд служилых людей во главе с Алексеем Толбузиным (230 человек) действительно направился в Нерчинский острог, откуда через два месяца вместе с подкреплением вернулся в Албазин. Другая же группа беженцев, в составе которой были пашенные крестьяне, промышленные и служилые люди, белый поп Федор Иванов и черный поп Гермоген (всего 119 человек) двинулись по Олекме на Лену (см.: Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский... С. 254). Именно таким путем Гермоген вернулся в Усть-Киренский монастырь.

⁵⁰ Такого монастыря никогда не существовало. В указанное время близ Нерчинского острога находился Успенский мужской монастырь, основанный еще в 1664 г.

⁵¹ Уведенных в Китай албазинцев зачислили в русскую роту императорской гвардии и поселили на участке у северной городской стены (северное подворье). Находившуюся здесь буддийскую кумирню было разрешено переоборудовать в православную часовню. В ней пребывал принесенный из Албазина образ свт. Николая Чудотворца, по которому часовня именовалась Никольской. В 1696 г. по благословию Тобольского митрополита Игнатия она была освящена как церковь во имя Святой Софии. С 1685 г. и вплоть до своей смерти в 1711/12 г. духовным наставником пекинских албазинцев являлся священник Максим Леонтьев сын Толстоухов. Его ближайшим помощником — церковным старостой — был Дмитрий Несторов, последние упоминания о котором датируются 1730-ми годами.

⁵² Максим Леонтьев не мог быть священником в Сретенском монастыре, так как он был основан в 1736 г., т. е. спустя много лет после его смерти. Кончина единственного православного священника, окормлявшего китайских албазинцев, послужила веской причиной для учреждения Русской духовной миссии в Пекине. Миссия располагалась в центре Пекина на посольском дворе недалеко от императорского дворца (участок этот стали именовать южным подворьем). Здесь в 1730 г. был построен, а в 1736 г. освящен храм во имя Сретения Господня, при котором был организован монастырь.

⁵³ Успенский храм в Пекине был построен в 1732 г. на северном подворье, на месте Софийской церкви (бывшей Никольской часовни), рухнувшей в результате землетрясения. В это время Дмитрий Несторов еще был жив и по-прежнему нес послушание церковного старосты.

ные по внешнему виду в блистательных богдыханских гвардейцев и все вообще русские, пользуются полным, совершенным и можно сказать беспримерным в Китае уважением. Сам богдыхан в своем дворце русскому лекарю за исцеление его любимой дочери поставил памятник. Ода Державина «Бог» в переводе китайском начертана вместо живописи в одной из великолепнейших зал в дворце богдыханском. Скорбя об уничтожении многолетних трудов своих, употребленных (*л. 11*) на устройство двух амурских монастырей и кладбищенской церкви, Гермоген еще оставался в Введенской Нерчинской обители до 1689 года⁵⁴. В этой обители весьма много он оставил святых икон, книг и ризницы, вывезенной им из албазинских монастырей и церкви⁵⁵. Но вследствие заключения трактата с китайцами⁵⁶, по которому земли, за Амуром лежащие, были совершенно оставлены казаками по всегдашнему недостатку хлеба, пороха, свинца и прочих потребностей житейских, Гермоген с чудотворною иконою Нерукотворного образа возвратился (*л. 11 об.*) в Киренск. Сею иконою он благословил Свято-Троицкую обитель и город. Благочестивый Киренский гражданин Федор Васильевич Марков украсил сию икону серебряной ризою с позлащенным венцом. Заготовил особую икону Живоначальной Троицы на благословение своим пекинским духовным детям, преподобный сделал на ней следующую надпись: «Священнику Димитрию Несторову от настоятеля Свято-Троицкого монастыря с братиею». При жизни своей сей иконы отослать в Пекин преподобный не успел. Она отослана туда по смерти его и донныне там находится⁵⁷. (*л. 12*) Подвизаясь в посте и молитве, земной ангел и человек небесный в 1690 году, декабря 19 дня, кончил многотрудную благочестивую жизнь свою. Тело его опочивает в Алексеевской церкви на том месте, которое еще при жизни избрал сам старец и сам ископал себе могилу⁵⁸. Тобольский митрополит послал преподобному Архимандричью митру. Но сия награда получена в обители гораздо позднее его кончины. Пламя, истребившее в 1831 году первую церковь, построенную над усопшим, не смело коснуться даже надмогильной доски его. Его могила, как купина, горела и не

⁵⁴ Выше было отмечено, что из Албазина Гермоген не пошел с Алексеем Толбузиным в Нерчинск, а вместе с группой других беженцев двинулся на Лену. Документально зафиксировано его пребывание в Усть-Киренском монастыре летом 1688 г.

⁵⁵ Если таковые действительно имелись, то принесены они были не Гермогеном, а кем-то из защитников Албазина, отступивших в Нерчинск.

⁵⁶ Нерчинский трактат — первый в истории российско-китайский договор, определивший условную границу между двумя государствами. Был подписан 27 августа 1689 г. в Нерчинске.

⁵⁷ Документальное подтверждение этой информации не обнаружено.

⁵⁸ Гермоген был погребен в заложенной им Троицкой церкви за правым клиросом (см.: Лаврентий (Мордовский), игум. Указ. соч. С. 8). Она несколько раз горела и вновь отстраивалась, меняя при этом названия. В XVIII в. ее традиционно освящали в честь Святой Троицы. Но после того, как в монастыре был построен каменный Троицкий собор, новые деревянные церкви освящали в память обновления храма Воскресения Христова и в честь Алексия человека Божия. В разных отрывках «Жития» говорится, что тело Гермогена покоится в Троицкой, Воскресенской или Алексеевской церкви. Таким образом, в тексте всякий раз идет речь об одном и том же месте захоронения, но о разных храмах, выстроенных над ним. На момент написания «Жития» и вплоть до закрытия монастыря, могила Гермогена находилась в Алексеевской церкви.

сгорела. Тезоименитство Гермогена воспоминается (л. 12 об.) декабря 10, успешное — 19 числа. Многие из ближних и дальних стран приходят в обитель для почитания памяти преподобного, при гробе его служат панихиды, от могилы его берут землю.

Бл. Сл.! Если блаженному старцу во временной жизни столько предлежало и крестных подвигов, то мы да не дерзаем думать, что нам грешным в сей жизни должны быть предоставлены одне удовольствия, одне радости. Если преподобный всю жизнь проводил в целомудрии, то тогда блюдем чистоту души и тела. Если отец наш так возлюбил смирение и нищету духа, то и мы (л. 13) недостойные да не возносимся нашими дарованиями, нашими мнимыми добродетелями — Богу нашему слава. Аминь.

СЛОВО

на день преставления преподобного отца нашего Гермогена основателя Киренской обители, декабря 19 дня

Их же не бе достоин весь мир в пустынях скитающаяся и в горах и в вертепах и в пропастях земных. Евр. Гл. XI. Ст. 38.

Совершая годичную память преподобного отца нашего Гермогена, основателя сей Богохранимой и (л. 13 об.) богоспасаемой обители в прошлое лето мы Сл. Бл! беседовали о тех крестных трудах и подвигах, коими наипаче знаменит сей блаженный старец. Мы видели, с какою силою фимиам молитвы, воскуряемый в пустынном уединении, усиливается общественным церковным богослужением, проникает небеса и оттуда низводит благословение на землю. Из жизни преподобного мы могли ясно понять, что благочестие, украшаемое постом, целомудрием, смирением и прочими кроткими христианскими добродетелями, на все полезно — не токмо здесь на земле, но и там во всей вечности. (л. 14) Теперь мы будем беседовать о посмертной жизни сего священного старца, и мы вновь удостоверимся, сколь молитва спасительна для грешного человека.

Хотя преподобный Гермоген по смерти своей видимым образом и оставил обитель, но отшел в вечность, он не оставил учеников своих, невидимо и духовно:

1.

После преподобного Гермогена над Его могилою остается: а) образ Нерукотворного Спаса, вынесенный им из Албазинского Спасского Монастыря, длиною 12-ти и 9 ½ шириною вершков, коим он благословил обитель и город. б) Дарохранительница (л. 14 об.) оловянная, весьма древняя: у ней четыре ножки, резьба с четырех сторон, на ковчеге; предстоящие Кресту Богоматерь и Иоанн Евангелист местами позлащены, хорошей русской работы. в) Напрестольный крест весьма ветхий, по дереву обитый тонким пластом серебра с позлащенным распятием, длиною 7 шириною 3 ½ вершков. г) Евангелие в медной оправе, большого формата, с позлащенными клеймами 1682 года, в листе, Московской печати. д) Наперсный крест, позлащенный с чернетью, употребляемый настоятелем для ношения на персях с изображением слов: (л. 15) «Аз — язвы Господа моего

всегда на теле моем ношу». е) Игуменский посох Преподобного при Его могиле. ж) Древний требник начинающийся освящением церкви, кончающийся месяцесловом, в листе, в кожаном переплете, без начала и конца и без многих листов. з) Надмогильная доска, горевшая и негоревшая тогда как и большой колокол, около ста пудов, на колокольне висевший, упал и растопился. и) Келейный рукописный молитвенник. к) Многие святые иконы в иконостасах.

2.

Киренский мещанин Илья Пежемский по христианской совести (*л. 15 об.*) объявляет слышанное им от отца своего купца Андрея Пежемского⁵⁹ то, что пересказывал родителю его бывший Киренского монастыря игумен Вонифатий⁶⁰ в 1794 году. Означенный игумен имел всегда обыкновение препровождать ночи в своих кельях один. Однажды около полуночи он видит двух предстоящих иноков, из коих один ему сказал: воздержись от хмельных питей, если не послушаешь меня, то скоро умрешь. В скором времени сей игумен был переведен в Иркутский Воздвиженский монастырь архимандритом, но и там он (*л. 16*) не перестал употреблять горячие напитки. Скоро настоятель сей преставился⁶¹, и похоронен в Иркутском монастыре среди церкви. Вонифатий, будучи искусен в живописи, часто писал изображения преподобного Гермогена, и в одном из явившихся иноков познал игумена Киренской Свято-Троицкой обители, в Алексеевской церкви почивающего.

3.

Оного же монастыря бывший иеромонах Иосаф Казанцев имел пристрастие пить запоями — когда по месяцу и больше. Однажды, протрезвившись, он лежал в келье около вечерни. Вдруг видит дым, (*л. 16 об.*) от чего и пришел он в ужас. Потом, как бы сквозь облака, он увидел преподобного Гермогена, который сказал ему: «Перестань пить, если не послушаешь, то на ровном месте изломаешь ногу и скоропостижно умрешь». От страха сего явления он, Казанцев на несколько времени воздержался от хмельных напитков, но забыл запрещение преподобного в последствии времени, мало по малу, опять стал употреблять в излишестве вина. Совершенно здоровый и трезвый, употребив пред обедом одну рюмку вина и после обеда хорошо отдохнув, во Владимирской церкви (*л. 17*) отслужил вечерню.

⁵⁹ Андрей Григорьевич Пежемский был благодетелем монастыря. В 1787 г. по его инициативе и за его же счет деревянная Троицкая церковь, устроенная тридцатью годами раньше в стороне от пепелища первоначального храма, была перенесена на историческое место. Причиной тому было весеннее половодье, которое ежегодно затапливало находившийся в низине храм. Благодаря Пежемскому он вновь возвышался на том самом месте, где Троицкая церковь стояла изначально (см.: Лаврентий (Мордовский), игум. Указ. соч. С. 23).

⁶⁰ Игумен Вонифатий (Березин) являлся настоятелем Усть-Киренского монастыря в 1784–1898 гг. В первый же год своего игуменства он заложил первый каменный храм в монастыре, впоследствии ставший Троицким собором. В 1788 г. над гробом Гермогена в деревянной Троицкой церкви была устроена каменная гробница [Там же. С. 8]. Игумен Вонифатий был профессиональным иконописцем. Помимо многих икон, написанных им для монастыря, его авторству также принадлежат первые портреты Гермогена, которые положили начало формированию иконописного образа старца.

⁶¹ Неверно указано наименование монастыря. В декабре 1798 г. архимандрит Вонифатий был назначен настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря. Спустя год (4 января 1800 г.) он действительно умер (см.: Там же. С. 24).

По выходе всех, когда пошел из церкви домой, на последней ступеньке, и почти уже на ровном месте, переломил ногу, от чего и страдал немалое время, воздержался от вина и совершенно от болезни освободился. Потом, забыв запрещение и болезнь, он опять стал пить и скоропостижно, сидя на стуле умер.

4.

Один отрок из фамилии Пежемских, вероятно еще прежде открытия в городе училища, обучался у некоторого инока Киренского монастыря русской грамоте. Однажды в зимнее время отрок (*л. 17 об.*), услышавши благовест к утрени, предполагая уже своего наставника бодрствующим на молитве, пошел по обыновению учиться. Проходя мимо церкви, в которой опочивает под спудом преподобный Гермоген, видя освещение храма его и слыша божественное пение, он зашел помолиться, думая, что его наставник в числе слушающих утрению. К удивлению своему, при входе в церковь отрок не нашел никого, тогда как божественное служение продолжалось. Лики поющих были для него невидимы, но в числе служащих он видел иеромонаха. По окончании утрени, не нашедши своего учителя, отрок пошел (*л. 18*) в его келью и нашел Старца, готовящегося к заутрене. «Да разве в другой раз будет заутреня, говорил отрок, я сейчас из церкви, служба уже кончилась — Ах! Да в церкви-то я рукавичку позабыл». Иеромонах приказал отроку идти с собою. Между тем некоторые из братии собрались во храме, и отрок в присутствии всех указал на оставленную им рукавичку.

5.

Тот же отрок однажды занимался в келье чтением Псалтири, его наставник был у обедни. В келью пришел к нему тот же иеромонах, которого он видел (*л. 18 об.*) служащим в церкви. Благословил отрока Старец, дал ему многие наставления, между прочим, приказал читать один псалом во всякое время дня, когда он только хотя мыслью мог обратиться к Богу. По уходе старца отрок наполнился неизъяснимого ужаса, и почти без памяти прибежал в Церковь к своему иеромонаху учителю. Его расстроенный вид служил подтверждением истинности рассказываемого им видения.

6.

Купеческая дочь Ирина Полоскова имела болезнь в горле и нёбе, так что ни под каким видом не могла вкушать пищи и с трудом едва принимала несколько капель чаю, (*л. 19*) страдала ломотою и бессонницею. И та болезнь продолжалась более пяти суток. Не употребляя лекарств и пособий человеческих, она просила мысленно здешнего основателя Киренского монастыря Преподобного Гермогена так: «Если ты угодник Божий, то помоги мне своими молитвами и избавь меня от мучительной болезни, по выздоровлению моем с усердием я притеку к твоему гробу и с благодарностью буду вспоминать твое имя в церкви пред Богом». В короткое время она почувствовала облегчение от болезни, заснула приятным успокоительным сном и вдруг ей как бы наяву представилось, (*л. 19 об.*) что к ее возглавию пришел инок, совершенно похожий на преподобного Гермогена, и сказал: «Ты еще больна?», на что она ответствовала ему: «Крайне нездорова и не могу с тобою, отец мой, говорить». На это старец сказал ей: «Я пришел к тебе указать путь к небу, который многим даже государям не известен». В самое это время произшедший стук от домашних разбудил спящую от сна, и когда она

очувствовалась, то кровь кинулась бежать у ней из рта. После того вдруг получила облегчение от недуга и никогда не имела подобной болезни. Это приключение объявляет (*л. 20*) она всем по христианской вере и совести.

7.

Киренский мещанин Сергей Пежемский по христианской совести объявил следующее: в 1806 году видел он около полуночи в деревянной церкви, где лежит тело преподобного Гермогена, огонь, о чем тот же час и сказал своему родителю. В то время был у них на квартире приезжий иркутский купец Никанор Петров Трапезников отец с сыном, и гостям поверили видение, и собственным опытом удостоверились в оном.

8.

1808 года, в феврале месяце киренского (*л. 20 об.*) мещанина Ильи Пежемского жена Ксения страдала родами трои сутки, наконец стала просить о подавании помощи, заступления и молитв преподобного Гермогена. Она обещалась при благополучном разрешении ея отслужить панихиду и тотчас разрешилась от бремени сыном, нареченным во святом крещении Петром. Благочестивая Ксения эту милость приписывала единственно молитвам преподобного Гермогена и по христианской совести объявила то во услышании всего народа.

9.

1810 года, вдова чиновника Агриппина Петровна Богомолова была жестоко (*л. 21*) больна завалом в горле, так что не пила, не ела более 10 дней. Она положила обещание в уме своем над гробом строителя Гермогена отслужить панихиду и потом заснула. Ей представилось следующее видение. Вот в келью ее пришел иеромонах в мантии и обошед кругом ея кровати сказал: «Ты очень больна?» и ушел. Через полтора часа он вторично обошел кругом кровать и опять сказал, перекрестив больную: «Ты очень больна! Скоро боль подаст здоровье!» Едва вышел из комнаты величественный инок и тотчас из гортани сильно потекло материи. В скором (*л. 21 об.*) времени больная получила совершенное здоровье и отслужила по обещанию панихиду над гробом преподобного.

10.

Титулярная советница Агриппина Петрова Хлебникова, дочь Петра Митрофановича Косыгина, объявляет по христианской совести следующее: в 1811 году родительница его⁶² Агриппина Николаева, отпустивши детей на вечер, оставалась дома одна, супруг ее Петр Косыгин был в Якутске. Кровать старушки находилась в стряпчей комнате, потому что лучшая часть дома была занята проезжающим чиновником Иваном (*л. 22*) Николаевичем Бухариным. По обыкновению христианскому помолившись Богу, старушка легла на кровать, но тотчас почувствовала распространение по комнате благовонного запаха. Удивленная, она села на постелю и размышляла: «Что за чудо! кухня, и какой прекрасный запах!» Комната вдруг еще более исполнилась благоухания, чудный свет осиял и взошел инок. На нем была малиновая ряса, черный клобук, в правой руке он держал деревянный крест, в левой четки. Приблизившись к постели сидящей женщины, он громко спросил: «Знаешь ли ты меня, кто я? Окаянная?» — «Знаю», — (*л. 22 об.*) хотела сказать изумленная старушка, но страх оковал язык.

⁶² Видимо, правильное — ее, т. е. родительница Агриппины Петровны.

Этот явственный приход Старца, его грозный вид, сияющее лицо, неизъяснимая прелесть благоухания потрясли старушку до глубины души и отняли, так сказать, способность к самопроизвольному действию. «Окаянная? — продолжал инок, — знаешь ли ты меня?» Потом он взял руку старушки, как бы желая обратить ее к чувствам. «Я основатель Киренского монастыря иеромонах Гермоген. Окаянная? Ты отпускаешь детей на вечер, и без себя, пошли у меня за ними, да сей час! Это тебе за то, (л. 23) что ты служишь литии. Ах! Если б чаще служили литии обо мне и совершали божественные литургии! Не дают нисколько помощи, а на одну ладонь осталось на мне земли! Скажи игумену Преловскому⁶³, что за нерадение иноков, за их мирское мудрование в монастыре произойдет пожар, а монахи перемрут! Сам я уйду в мою родину и дотоле не возвращусь, доколе в обители не процветут плоды покаяния. Да скажи же, у меня смотри, окаянная! А если бы стали чаще совершать божественные литургии, служить панихиды! Не бойся, окаянная! На скушай (л. 23 об.) вот это!» — При сих словах он подал три хлебца такие, какие обычно благословляются на утрени, — и будешь здорова». При последнем слове Старца он стал невидим. Услыхавши стопы отходящего Старца, проезжающий чиновник пришел узнать к старушке о том, кто приходил к ней. Она попросила его послать за детьми, а назавтра объявила всем о явлении преподобного Гермогена. Игумен Преловский сам был у больной и записал явление преподобного. Устрашенная братия воздержалась на несколько времени от пороков, но несовершенно. 4-го (л. 24) Августа 1814 года церковь Иоанна Предтечи, колокольная, кельи и службы были пожраны пламенем. Большая часть братии примерла, и монастырь запустел бы, если бы к восстановлению его не приложил особенного старания Преосвященный Михаил 11-й Епископ Иркутский⁶⁴. Монастырь снова восстал, но жизнь монашествующих, вероятно, еще не соответствовала благочестивым ожиданиям благочестивого Старца и потому 16 ноября 1831 года пожар снова истребил деревянную Троицкую церковь, кельи монашествующих и духовное училище. Во время первого пожара некоторые из (л. 24 об.) благочестивых жителей видели, что от той церкви, в коей преподобный почивает, несколько раз отделялся и несколько раз опять к ней приближался огненный столб, и опасались, как бы старец действительно не оставил своей могилы. В этот последний пожар преподобный два раза будил нынешнего священника Петропавловской церкви Иоанна Попова и в третий раз силою вывел его почти из пламени.

II.

В 1814 году киренский мещанин Сергей Пежемский видел в сновидении, что он как бы находится (л. 25) в каком-либо склепе. В этом склепе собрались священники монахи со многим причтом и пришедшими из дальних селений посторонними людьми. Благочестивый Сергей с благословением услаждается церковным пением и чтением; и глядит на правую сторону, и видит новый деревянный гроб простой работы и в нем лежащего священноинока с крестом в руках, о котором ему сказывают, что это строитель сего монастыря преподобный

⁶³ Игумен Вениамин (Преловский) был настоятелем монастыря в 1808—1826 гг.

⁶⁴ Михаил (Бурдуков), архиепископ Иркутский и Нерчинский (1814—1830) в действительности был седьмым по счету правящим архиереем Иркутской епархии.

Гермоген. Лице Гермогена было очень светло и блистательно. Прошло несколько времени. Преподобный возсел во гробе (*л. 25 об.*) и что-то говорил очень приятное, но что именно, Сергей припомнить не может. Старец был в монашеской одежде, небольшого роста, с густой кругловатой и седой бородой, полный величия и света. Сергей проснулся. Он объявляет это всем по христианской вере и совести.

12.

В 1814 году августа 4 дня при игумене Вениамине Преловском случился в Киренском монастыре пожар, от коего сгорели двухэтажные старинные кельи, 6-главая церковь во имя Иоанна Предтечи и большие деревянные кельи. От Церкви Предтеченской деревянная Алексеевская церковь, где погребены мощи преподобного Гермогена, находилась в малом расстоянии, а именно не больше десяти сажень. Пламя было так сильно, что не было возможности стоять у монастырских водяных ворот, (*л. 26*) отстоящих от пожара более 50-ти сажень. Алексеевская церковь подвержена была непременно сгорению, спасение сей церкви должно приписать заступлению и молитвам преподобного Гермогена, основателя Киренской Свято-Троицкой обители, в ней ныне почивающего.

13.

1820 года в ноябре месяце у киренского мещанина Сергея Пежемского сын Димитрий по наступлении ему второго года был болен золотухою, которая вся собралась ему в гортань, отчего уже многократно прерывалось дыхание, и все отчаивались в его выздоровлении. По христианскому обряду Димитрий уже наказан был ладаном. Видя сына приближающимся к смерти, отец и мать положили обет отслужить панихиду о преподобном Гермогене, если выздоровеет сын их, и пошли посмотреть больного. У Димитрия в гортани стало (*л. 26 об.*) свободнее, он начал кашлять, освободился от вредных мокрот; чрез две недели можно было вести его в церковь для причащения Св. тайн и для отправления панихиды о преподобном Гермогене. Отец и мать, все что обещались, исполнили. По приезде в дом мать внесла его в покои и вздумала спустить с рук. Младенец стал прямо на ноги, начал переходить взад и вперед через комнату, тогда как прежде от болезни едва мог просидеть несколько времени в подушках. Получив эту милость от Бога молитвами преподобного Гермогена, отец и мать начали быть более усердными к обители, в которой преподобный почивает.

14.

В 1822 году вдова чиновница Агриппина Петровна Богомолова была очень больна левой ногой и не имела от болезни покою. Она положила опять обещание. Отслужить о преподобном (*л. 27*) Гермогене панихиду, отчего тотчас получила облегчение при старости ее лет, и обещание свое исполнила.

15.

Киренского Спасского собора священника Якова Косыгина дочь, девица Серафима, на 18-м году от рождения (в 1824 году) с начала Великого поста почувствовала во всех членах нестерпимую ломоту, от которой приходила время от времени в большую слабость и изнеможение, так что со второй недели Великого поста без помощи людей не могла иметь движения и не было в ней рас-

положения употреблять пищу. 26 марта днем она одна во всем доме неподвижно лежала в постели, размышляя о своей болезни и смотря на имеющееся в доме Косыгиных изображение преподобного Гермогена, висящее на стене против ее постели, помыслила и говорила в сердце своем так: (л. 27 об.) «Если ты святой и угодник Божий, то избавь меня от болезни!». В это самое время она погрузилась в мрак сна, и ясно видит идущего к ней от того места, где было изображение, подобного оному инока, держащего в руке воск и с приближением к ней сказавшего: «Возьми, съешь этот воск». Сверток, поданный преподобным благочестивой Серафиме, действительно был подобен мягкому, желтому воску, и когда она половину оного приняла в пищу, несколько похोдившую вкусом на елей, тогда от пришедших домашних людей был произведен стук, от чего она и проснулась. С пробуждением ее болезнь почти прекратилась. По совету родственницы ее Ирины Полосковой, от молитв преподобного Гермогена неоднократно получавшей помощь, она отправилась в обитель, где преподобный почивает. От самых врат, над которыми возвышается Николаевская (л. 28) церковь, она сама могла дойти до Воскресенской церкви* [что ныне Алексеевская], в коей преподобный покоится. Возвестив о случившемся братию, она остановилась пред гробницею Гермогена и в то время, когда иеромонах пошел в святой алтарь для облачения в епитрахиль и ризу, ей представилось, что доска, покрывающая гробницу преподобного, сама собою поднялась и преподобный видимо вошел в свою гробницу, после чего доска с обыкновенным стуком сама собою опустилась на свое место. Серафима почувствовала оцепенение и страх, опомнилась только во время пения панихиды и почувствовала себя совершенно здоровою. Возвратясь домой, она уже не почитала себя больною, а чувствовала токмо слабость. Немедленно явился позыв на чай и пищу, а за тем скоро возвратились к ней и прежние ее силы. Часто (л. 28 об.) она впоследствии взывала к Господу: «Буди благословен Господь сил, помощник наш, Бог Иаковль!»

16.

1831 г. Августа 26 дня, у киренского мещанина Сергея Пежемского жена Стефанида страдала родами, но зная уже неоднократную милость преподобного Гермогена, излитую на их дом, и всегда прибегая во всех нуждах своих преподобному, она в слабом ее положении просила с горячностью в помощь молитв преподобного Гермогена и как будто стала засыпать, и вдруг видит, что пред нею стоит небольшого роста старец, с седыми власами и бородою, с лицом светлым и умильным, похожий на изображения, в коих живописцы представляют преподобного Гермогена. Он говорит ей: «Встань благословясь!» И вдруг взглянула, перекрестилась и никого уже не видала (л. 29) более. Она несколько испугалась, потому что была в покоях одна. Приведя в порядок свои мысли и почувствовав некоторую легкость, она разрешилась от бремени дочерью, которая при святом крещении наречена Елисаветою. Благодарные родители объявляют о сем по христианской вере и совести.

17.

Киренский мещанин Стефан Семенов Пежемский, будучи болен, на 3 число сентября 1831 года видел сон следующего содержания: в монастыре, в теплой деревянной Алексеевской церкви, где почивает ныне преподобный Гермоген,

около его голбца⁶⁵ стали три болезненных одра, из коих на одном лежал он, Стефан, а на прочих два неизвестных ему человека. Преподобный Гермоген на своей гробнице возлежал видимо и в нетленном виде, в великолепии духовном и славе. (л. 29 об.) Стефан в мыслях говорил сам себе: «Изволением Божиим так просветилось тело преподобного! Так хорошо близ преподобного мне и моим товарищам!» Вдруг преподобный Гермоген мало по малу стал подниматься, восстал в иноческом одеянии и епитрахили, начал благословлять по порядку меня и товарищей моих разверстым малым Евангелием, в коем Стефан мог даже рассмотреть заголовки зачал, но ясно разобрать означение их чисел не смог. После того преподобный Гермоген в той же монашеской одежде и в клобуке пошел вон из церкви, и его сопровождали трое или четверо служебных монахов, по лицам ему Стефану неизвестных. Тут встали и мы, больные, почувствовав себя здоровыми, и пошли за преподобным Гермогеном. Он шествовал к паперти, туда, где стоял большой величины образ Божией матери, и остановился близ одного знакомого Стефану (л. 30) человека. Преподобный Гермоген начал сопровождавшим его инокам и человеку сему рассказывать что-то ему, Стефану, неизвестное и непонятное. Лице преподобного сияло светом и величием. Стефан мог разобрать только следующие слова: «Эта церковь тесна для людей Божьих, паперть холодна, потребно распространить церковь: вместо холодной паперти устроить теплую трапезу и в трапезе хорошую печку. Тогда в церкви будет поместительнее, и народ будет ходить в нее в большом количестве». Стефан пробудился, ощутил в себе новую свежесть и бодрость и все сие многократно рассказывал в собраниях по чистой христианской совести. В 1856 году тот же Стефан больной просил положить на него покров преподобного Гермогена и, исполнив желаемое, исцелился.

18.

1831 года, ноября 15 дня при игумене (л. 30 об.) Игнатии загорелась та церковь, где погребено тело строителя Киренской обители преподобного Гермогена. При ней находились училищные здания и братские кельи с пристройками, и все сии строения сгорели. Но, к удивлению всем жителям, дска деревянная* [Дска эта лежит под полом, над самым гробом преподобного. Я грешный при одном послушании туда спускался и отломил частичку, которую при этой тетради и приложу, если Богу будет угодно и не забуду], покрывавшая гробницу преподобного Гермогена, в самом пламени находившаяся, осталась в целости. Огонь только прикоснулся к концам надгробной дски сей. Дска сия, к удивлению всех, хранится в новой церкви и показывается всякому желающему ее видеть.

19.

1832 года, августа месяца, мещанская жена Евдокия Лютоева одержима была годичное время болезнию в ногах. Стараясь получить пользу от лекарей и разных лекарств, она не могла возвратить прежнего здоровья. После безуспешного и отяготительного лечения (л. 31) она просила помощи и от преподобного Гермогена, говоря так: «Отче мой! Чудниче Божий! Проси о мне грешной Господа Бога, да исцелит мою болезнь!» В скором времени она получила исцеление

⁶⁵ Голбец (голубец) — надгробный памятник в виде православного креста, покрытого двускатной кровлей.

от болезни и прежнее здоровье возвратилось к ней. С усердием она отслужила панихиду над гробом сего преподобного отца и не чувствовала никогда более болезни в ногах.

20.

Киренский мещанин Михаил Петрович Попов в 1833 году имел болезнь в левой руке. Плечо этой руки причиняло ему нестерпимую боль. Этот недуг тяготил его более полугода. 5 ноября, в вечеру, в нестерпимом болезненном положении просил он мысленно преподобного Гермогена о избавлении от болезни, с обещанием отслужить по нему (л. 31 об.) панихиду. В следующий день по утру, положив пред Богом несколько земных поклонов, он крепко и спокойно заснул; пробудившись от сна, восстал с постели и уже не чувствовал более в руке боли, начал иметь свободное движение левою рукою, как прежде здоровою. Попов с благодарением Богу и Преподобному Гермогену исполнил обет свой.

21.

1833 года в мае месяце Киренского округа, Макарьевской волости, Ипатьевского селения крестьянин Петр Шишкин, явясь во святую обитель, просил братию записать следующее: «Неизвестно от чего рука моя совершенно высохла и почернела так, что я ею ничего не чувствовал. При случившемся тогда городничем, по совету добрых людей, я положил с 1831 года ходить в Киренский монастырь, (л. 32) служить панихиду над гробом преподобного Гермогена и ставить свечи при иконе Спасителя, которою он благословил обитель и народ. Чем усерднее я исполнял свое обещание, тем более показывалось крови в иссохшей руке и тем приметнее она из черной сделалась белою. Через полгода рука моя совершенно выздоровела и начала действовать по-прежнему как здоровая. Эту милость я недостойный получил от Бога и преподобного Гермогена». Братия обители действительно видели, как прежде черная и почти помертвевшая рука вдруг побелела, наполнилась жизнью и сделалась совершенно здоровою.

22.

18.. года, января 3-го дня, после вечерни, настоятеля некоторой инородной обители* [Зилантовской, что близ Казани. NB переписчика], любимейшие из друзей (л. 32 об.) вдруг вызвали в город за четыре версты от монастыря и там, напоив его чаем, объявили ему указ, по которому он должен был из устроенной им как рай обители отправиться в такую страну, которую двухсотлетняя молва наполнила всеми ужасами и неприятностями, с местностью неразлучными. Частью поняв, частью не поняв свою участь и жестоко простудившись от употребления чаю, он возвратился в келью почти больной. Обычный благовест к Воскресной утрени разбудил больного от лихорадочного и беспокойного сна, но больной, едва приподнимая голову от подушки, говорил сам в себе: «Пойду к утрени; нет, не пойду к утрени, я так слаб, что скажут обо мне люди!.. Пойду!» И стыд человеческий погнав в церковь больного с койки. Пришел к дверям церковным, по слабости он остановился в теплом коридоре и (л. 33) голова у больного разболелась еще больше от бывшего там угара. Во все продолжение всенощного бдения говорил больной: «Уйду домой, мочи нет», и всякий раз стыд человеческий удерживал его на месте. В колебании мыслей простоял настоятель даже до самого полиелея. Приближалось время читать Евангелие. Вдруг как молния мелькнула

у нездорового мысль: «Я достоял до Евангелия; пойду читать Евангелие; услышу, что речет о мне Господь». Облачившись, он начал читать раскрытое очередным иеродиаконом Евангелие от Иоанна, зачало 67-е⁶⁶. Вот настоятель слышит, что Спаситель троекратно вопрошает его: «Любиши ли мя?» Больной залился горькими слезами как младенец, оскорбившись тем, что он имеет ничтожную любовь к Иисусу, требующую того, чтобы она была усиляема и оживляема (*л. 33 об.*) словом Спасителя. Настоятель слышит троекратное повеление: «Паси, паси, паси!» Почувствовав во всей силе, что прилежные исполняют должное без особых повелений, сами по себе, что одни ленивцы нуждаются в подтверждениях, настоятель расплакался еще более и до того, что не мог ясно произносить слов Евангелия. Утешась несколько мыслью, что Спаситель не говорит так с рабами неключимыми, настоятель получил новое внушение: «Юный, ты много ходил по путям твоего самоволия, теперь ты, старый, иди куда не хочешь, куда тебе повелевает Спаситель». Никто из просвещенных и доброжелательных граждан многолюдного города не советовал настоятелю, летами уже старому, ехать в путь дальний и неизвестный. «Мало ли юных и бодрых силами, которые удобнее (*л. 34*) перенесут эту тягость», — говорили все. Один Престарелый Святитель (76-ти лет) при мощах Германа, Архиепископа Казанского и Свяжского, доньне покоящийся, благословил настоятеля в путь, и он укрепился, разсуждая так: «Мое телесное рождение в мир сей от матери, мое духовное рождение от Святой купели столько принесло мне временных и вечных благ. Чем же хуже мое настоящее рождение в царь-городок на пути от Иркутска до Якутска?» И совершенно укрепился в мыслях, когда услышал: «Это свидетельствует любимый ученик Господа; он сам это и написал». Кто ж этот ученик? — Богослов-догматик, занимающий первое место в числе наших богословов, по преобразовании духовных училищ. Да! Кроме его или, по крайней мере, кому приличнее глашать свою (*л. 34 об.*) овцу по имени? Кому удобнее показать ей место паствы более полезной? — Прибавьте к тому Божественное удостоверение: «Вем яко истинно есть свидетельство Его!» После сильного плача настоятель почувствовал облегчение от болезни, прочел обычное правило и успокоился живительным сном, освежающим все его силы. Во сне представилось ему видение: вот приходит к нему Архиепископ Суздальский Иосиф⁶⁷, и прежде всего по Бозе даровавший ему жизнь и время для покаяния, со старцем в иноческом одеянии, и говорит: «Ты знаешь ли меня?» — Настоятель отвечал: «Знаю кто ты». — Отец мой Иосиф, указывая на пришедшего с ним священно-инока, сказал: «Этот старец пришел за тобою!» Настоятель испугался, думая, что замогильные (*л. 35*) старцы хотят поставить его на суд Господень. Иосиф и старец с крайним благоволением посмотрели на оробевшего настоятеля, оба вдруг перекрестили его и рекли: «Бог благословит тебя в предлежащий путь! Иди с миром!» Они вышли из кельи, которая была наполнена благоухани-

⁶⁶ Евангельский отрывок (Ин 21. 14–25), в котором Христос трижды обращается к апостолу Петру с вопросом «Любишь ли меня?» и всякий раз, получая утвердительный ответ, благословляет его на пастырское служение.

⁶⁷ По-видимому, имеется в виду Иосиф (Курцевич), архиепископ Суздальский и Татрусский (1626–1634). По многочисленным жалобам своей паствы был отлучен от кафедры, лишен святительского сана и сослан в Соловецкий монастырь. В 1640 г. перемещен в Казанский Зилантов монастырь, где и скончался 15 июня 1642 г.

ем. Настоятель проснулся с несказанною душевною радостью и таким веселием, которого почти не ощущал во всю жизнь. Он служил литургию уже здоровый. 11 февраля он выехал из своей обители и 17 марта, как выразился о.. П.. Г.е.р..въ, человек Божий, несомый на крыльях ангелов, прибыл к человеку Божию преподобному Алексию⁶⁸, очень много почитаемому на месте его служения. Здесь увидел изображение основателя Киренской обители священноинока (л. 35 об.) Гермогена и познал настоятель, что с Иосифом приходил к нему Гермоген, благословивший его в путь и хранивший его в путешествии. 22 марта настоятель в первый раз на полиелее стал читать утреннее Воскресное Евангелие от Иоанна и опять вышло зачало 67-е, и что же он начал читать? Опять вопросы: «Любиши ли мя?», опять приказание: «Паси!», опять решительные заповеди «Ты состарился, ты много ходил в путях своеволия. Иди по мне!», опять удостоверение: «Вем яко истинно свидетельство его». Как бы так говорил Спаситель: «В дальнем путешествии ты, рассеянный в мыслях, не обронил ли тех наставлений, которые я внушал тебе при чтении в последний раз Воскресного Евангелия на утрени, в прежнем месте твоего служения?» После таковых опытов как (л. 36) возможно было настоятелю не полюбить место нового своего служения?

23.

1852 года, монастырский диакон Г.....ъ, перебравив свое семейство, что часто с ним случалось, лег спать. Вот спящему представляется, что он вошел в Алексеевскую церковь, в коей почивает преподобный. Над гробом преподобного вдруг появляются разноцветные облака, в облаках появляется сам Гермоген, восседающий на своей гробнице и при нем предстоит неизвестный служитель, держащий его посох. Преподобный Гермоген весь в гневе говорит: «Когда ты перестанешь пьянствовать, окаянный? Пьянюга отъявленный!... Буян! Зверь, а не человек! Дом чужой, везде течет... Кровь жены ты обратил в вино, хлеба нет, дети наги!... Окаянный! (л. 36 об.) Истиранил жену, измучил детей, безчестил настоятеля и обитель! Кайся окаянный!... Это тебе за то, что ты почти всегда читаешь правило пред Литургиею, и часто с теплотою чувства служишь в церкви». — Диакон пал на колена и вещал: «Прости Отче, и благослови! Ей, ей, буду раскаиваться и исправлюсь при содействии благодати Божией». Диакон, восстав, просил благословения у преподобного, но невидимая сила отталкивала его от Старца Божия. Диакон хотел по крайней мере облобызать гробницу или голубец преподобного, но невидимая сила и от того его удерживала. Став опять в почтительном расстоянии, диакон со слезами вопиял: «Прости Отче и благослови!» Преподобный, бия самого себя в перси, стал говорить: «Нет сил терпеть, окаянный, выйдешь из церкви, и не оставишь тунгусской рожи! Нос с перерубом... (л. 37). А сколько ты сожрал свеч, обещанных Богу? — А? — Что молчишь, окаянный? У меня сейчас скажи жене, она исполнит вместо тебя, пьянюги! Сколько раз ты вгонял твою супругу в болезни смертельные! С тобою нельзя жить, я знаю куда тебя поместить, я возьму тебя!» — Диакон опять со слезами и с сильным воплем пал ниц на землю, и говорит: «Отче, прости и благослови! Ей-ей, постараюсь исправить мое поведение при благодати Божией!» В это время, когда диакон лежал ниц на земле, служитель преподобного так сильно по всей спине ударил посохом

⁶⁸ То есть в Алексеевскую церковь Усть-Киренского Свято-Троицкого монастыря.

лежащего, что он закричал изо всех сил и на голос его прибежали его домашние и с изумлением услышали: «Простите меня, я согрешил пред Богом и пред вами!»* [Пропущено: домашние спрашивали, «от чего здесь такой стук и плач», но диакон Г. сквозь слезы повторял только: «Простите меня, согрешил пред Богом и пред вами»]. Вскоре после того диакон захворал и в истинном покаянии скончался, оставив в совершенной бедности свое семейство (*л. 37 об.*). Сиротствующая вдова исполнила все, что не успел исполнить муж ее, по его сознанию.

24.

18.. года, декабря 13 дня, некоторый инок (К. У. Н.о.н.и.ъ) поведал настоятелю следующее: «Ты, отец, в прошлую весну послал меня осмотреть монастырский павозок⁶⁹, посетить и утешить дроворубов. Лена тогда пучилась и готова была вскрыться. Я отправился в путь вечером и поехал по наводе Лены; беспокойная лошадь часто фыркала, пугалась и бросалась в сторону. Кроме воды страх темноты ночной, мысль о зверях, выходящих в это время из берлог, еще более неугомонное воображение, поджигаемое врагами невидимыми, совсем расстроили меня в мыслях. И однако ж часто в духе я говорил так: “Никто из детей преподобного Гермогена доселе не погибал в Лене (*л. 38*). Ужели только теперь не спасет меня несчастного отец наш?”. Когда лошадь шла уже по колено в воде, я невольно с Лены выехал на берег. Но здесь в темноте лошадь не могла идти по ямам и буеракам, наполненным водою. Опять по неволе я слез с беспокойной лошади и, чтобы она не убежала, повод крепко обвязал около правой руки. Идя таким образом вперед для отыскания дороги, я вдруг провалился в омут, по самый рот погружаясь в воду, тогда как лошадь передними ногами кинулась ко мне на плечи. Чувствуя явную гибель, я во глубине души возопил: “О преподобне отче, Гермогене! Спаси меня, твоего блудного сына — погибаю!” Мгновенно лошадь, бросаясь в право, на поводе вытянула меня на сухое место». Этот рассказ старца настоятель совсем забыл. Декабря 30 дня он занимался очень долго (*л. 38 об.*) приведением в порядок метеорологических наблюдений для отсылки в Санкт-Петербург, к своим друзьям. Утружденный дневными занятиями после келейного правила он лег спать. Однако ж в душе его мелькнула мысль: «Какую пользу принесет мне эта громада чисел, эта метеорология? Она сгорит, сгорю с нею и я». С сей мыслью настоятель заснул и вот видит, что все двери его кельи отверзаются сами собою. Опираясь на посох, преподобный Гермоген с нерукотворным образом Спасителя на персях входит в крестовую, тихо творя молитву Господню: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» Едва настоятель успел сказать: «Аминь», преподобный весь обратился в гнев, стучит посохом и говорит: «Твоя цифирная мудрость! Тащи ее вон из монастыря! Слышишь ли? Настоятель, да еще ученый! А речь, (*л. 39*) которую рассказал тебе брат в простоте и незлобии сердца, ты забыл. А? Что молчишь? Не по твоей ли милости едва, едва не погиб старец в прибрежном омуте Лены!» — И грозя указательным перстом, преподобный тише промолвил: «Это тебе за вечернее правило; у меня смотри! Меньше предавай твою душу цифирю, а больше читай твой канонник, чаще служи литургию, посещай вечером твоих старцев». Преподобный, пере-

⁶⁹ Павозок — лодка, обычно с парусом, предназначенная для перевозки груза по мелководью.

крестив настоятеля, тихо вышел из его кельи, наполненной необыкновенным благоуханием, и в душе настоятеля оставил такое веселье, которого довольно изъяснить нет возможности.

25.

1854 года, февраля 2 дня, Петропавловской волости, Половинского селения крестьянин Платон Михайлов Рукавишников по христианской (л. 39 об.) совети объявил следующее: «Около 2-х лет был нездоров сын мой Федор до того, что на нем осталась одна кожа и жилы, и едва приметно было в нем движение. В 1835 году мать его Олимпиада сказала мне: “Отслужим, друг мой, панихиду о преподобном Гермогене, он, говорят, многим помогает, может быть, поможет и нашему Федору”. Я исполнил приятное моему сердцу предложение моей супруги, и сын мой теперь здравствует».

26.

1854 года, декабря 21 дня, киренский 3-й гильдии купец Василий Семенов Лаврушин по своим делам находился за 85 верст от Киренска, в слободе Петропавловской, в доме иерея Петра Понамарева и во время вечерни слышал ясно звон киренских Троицких колоколов. Он (л. 40) несколько раз выходил на открытый воздух с намерением проверить то, что слышится ему в комнате, и слышал тот же звон, при погоде совершенно тихой. Мать иерея Петра, дьяконица Анна Петровна, спрашивала Лаврушина: «Для чего ты часто припадаешь к окну? Ты простудишься!» — «Нет, — отвечал Лаврушин, — мне слышится звон Троицких колоколов». Возвратясь в Киренск, Лаврушин спросил у своей супруги (Евпраксии Филаретовны), «что это значит в Петропавловске 21 декабря, во время вечерни мне чудился звон Троицких колоколов?» — Евпраксия отвечала: «В этот день освящен в Киренском монастыре храм Святой Троицы, в честь чего и произведен вседневный звон». — А на вечерни иеромонах Нафанаил действительно поставил три нарочных и продолжительных и стройных звона в честь Святой Троицы. — (л. 40 об.) Богу нашему слава!

27.

Кир. И. Н. рассказал следующее: «1857 года, сентября 30 дня, в 5 часов полудни, отправился я из монастыря в Змеинское селение, с тамошним крестьянином Василием Петровым Пахаруковым верхами на лошадях через хребты Никольские и Змеинские для напутствования по христианскому обряду больного брата его Александра. Исполнив исповедь, причащение, елеосвящение и прочитав отходные молитвы, с тем же проводником я поехал в монастырь. Ветер был пронзительный, юго-западный, дорога при темноте ночной самая трудная и неприятная. Выехав из Змеинского леса и миновав поскотину Никольскую, я увидел вдруг на Лене необыкновенный огонь и спросил проводника: «Что это за огонь? Ужели ловят рыбу?» (л. 41) Проводник отвечал: «При таком ветре какая теперь рыба! Не горит ли в городе самый большой дом?». Проехав немного по берегу Лены, я заметил, что вся Троицкая церковь и внутри, и снаружи в необыкновенном свете, а потом увидел, что в таком же свете и церковь Алексеевская. Не зная, что подумать и несколько испугавшись, я молчал. И вдруг проводник вскрикнул: «Посмотри, отец! Ведь это огонь у вас в монастыре! Видишь ли, вот Троицкая церковь? — Каким светом она, мать наша, разукрасилась! А вот

подумаешь, что через версту от Троицы таким же светом горит и Алексеевская церковь, где почитают преподобный Гермоген. Что это, отче?» Не без робости я отвечал: «Не знаю, что подумать, разве настоятель отправляет всенощное бдение, а может, не погасили паникадилы». Проводник заметил: *(л. 41 об.)* «Какое, отец, паникадило! Сотни мало ваших паникадил, чтобы произвесть такой свет. Притом настоятель не будет исправлять священное служение в одно и то же время в различных церквях». Прибыв в смущении к перевозу, мы не нашли лодки, закричали к перевозчику и пошли привязывать лошадей. В это время показался перевозчик. Мы, взглянув на монастырь, того света не видали. Проводник спросил перевозчика: «Не видал ли в монастыре света?». Первозчик бормотал с неудовольствием: «Моя жена давно протолкала мне бока, говоря, иди смотреть свет в монастыре». Я вышел и вот вы, светы, явились. Сидите же осторожнее в лодке, чтобы при таком хиусе⁷⁰ и темноте она не перевернулась, иначе не увидим все Божия света». Возвратясь в монастырь, я долго осматривал *(л. 42)* Церкви, дивясь видению. В глубокой темноте ночи я заметил свет в крестовой комнате настоятеля, против алтаря Святой Троицы расположенной. Этот свет происходил от домашней лампы, которую обыкновенно зажигает настоятель при ночных молитвословиях.

28.

П... М... П...ъ на 12-е декабря 1854 года видел следующий сон и повествует о нем так: «Сначала, не видя лица преподобного Гермогена, при полупотемках, в деревянной церкви представилось мне, что он облачается в черный подрясник, широкий пояс, рясу, епитрахиль и куколь. Взяв посох в десницу, преподобный пошел мимо меня. Я не робел, я находился в каком-то благоговейном и глубоко уважительном страхе. Когда преподобный повстречался *(л. 42 об.)* со мною, я поклонился пред иконою Спасителя в землю, произнося: “Господи помилуй!””. Преподобный, не останавливаясь и шествуя на крыльце, говорил: “Молись еще так: Господи, прости согрешения мои, Господи Иисусе, помилуй меня грешного!””. Говоря это, он вышел на погост монастырский. Ночь была тихая, летняя. Подстрекаемый любопытством, я и другой со мною неизвестный мне товарищ подошли к ближнему окну, долго смотрели на походку преподобного и потом слушали шелест его шествия. Лицо угодника сходствовало с изображением, поставленным над его гробом, он был роста среднего, с седою бородою, сложения сухощавого, имел лицо постное».

Буди благословен, преподобный отец наш Гермоген, основатель обители сея!.. Ах, если бы ты, отец наш, восстал ныне от твоего гроба *(л. 43)* и посмотрел на дело рук твоих — сию обитель, тобою насажденную и близ двух сот лет от силы в силу, более и более процветающую. Ах, если бы ты вместе с нами и о нас грешных помолился со старческою твоею молитвою! Бл. Сл.! Он всегда видит нас, он всегда духом и телом с нами! Восстане, преподобне отче Гермогене и посмотри: вот благочестивые дети твои воздвигли в основанной тобою обители великолепные храмы: Святой Троицы, Алексия Божия человека и Святителя Николая и

⁷⁰ Хиус (хиуз) — зимний, резкий, холодный, внезапно возникающий ветер, сопровождающийся выпадением снега и сильным морозом.

в граде светлый храм во имя Всемилоственного Спаса. Сл. Бл.! Он молится с нами в храмах!.. Восстани, преподобне отче Гермогене и порадуйся: вот ряд благоговейных преемников посоха твоего достиг сана игуменов и даже архимандритов. Сл. Бл.! Он сам пасет свою обитель. (л. 43 об.) Восстани, преподобный отче Гермогене, и виждь: вот благочестивейший монарх наш Николай I даровал обители твоей новое бытие и новые силы, сравнив ее с обителями второклассными и преподав ей обильнейшие средства к поддержанию своего существования⁷¹. О преподобне отче Гермогене! Если ты имеешь дерзновение ко Господу, молись за великодушного монарха и весь императорский дом! Молись за любезное твое отечество и град сей, в коем ты основал свою обитель! Молись за нас, недостойных детей твоих! Молись вечно и пламенно! Аминь.

(л. 44) 31 октября 1864 года, тотчас после службы, в 10 ½ часов утра, вспыхнула Алексеевская церковь, где почивает Гермоген. Спасли только иконостас и прочую церковную утварь. Неизвестно, невредимы ли мощи, потому что кирпичный склеп слегка лопнул, а под ним лежит ведь еще каменная плита, под которой уже гробница Гермогена⁷².

Список литературы

- Артемьев А. Р. Икона Албазинской Божьей Матери // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток, 1995. № 5. С. 131–134.
- Ванчугов В. В. Первый историк русской философии: Архимандрит Гавриил и его время. М., 2015.
- Дмитрук А., прот. Патерик Сибирских святых и подвижников благочестия. М., 2006.
- Жизнеописание Ермогена Киренского и Албазинского / сост. В. А. Пушкарев. Благовещенск, 2021.
- Игнатий (Чигвинцев), иером. Иеромонах Гермоген — молитвенник о земле Приамурской. История жизни и современное почитание // Дорохинские чтения. 2009. Вып. 3. С. 22–30.
- Казарян А. Т. Гавриил (Воскресенский) // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 213–217.
- Красноштанов Г. Б. Возвращение черного попа Ермогена в Киренск // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2005. Вып. 4. С. 7–24.

---

⁷¹ По церковной реформе Екатериной II в 1764 г. все монастырские вотчины были описаны в государственную собственность. В качестве компенсации монастыри теперь получали из казны денежное содержание, которое рассчитывалось по тогда же введенным «монастырским штатам». Все монастыри делились на три класса, для каждого была установлена своя норма штатных монахов и положенное им жалованье. Киренский Троицкий монастырь первоначально был отнесен к 3-му классу. Ему полагалось 12 штатных монахов (игумен, казначей, четыре иеромонаха, два иеродиакона, пономарь, просфорник, квашник-хлебодар и чашник). В 1853 г. монастырь был отнесен ко 2-му классу, что предполагало возведение настоятеля в сан архимандрита и увеличение братии до 17 штатных единиц (добавлялись еще два иеромонаха, два иеродиакона и один пономарь).

⁷² Дописано на отдельной странице. Документального подтверждения эта информация не находит. По-видимому, автор сделанной записи, не являясь очевидцем самого пожара, неточно описал его с чьих-то слов.

- Красноштанов Г. Б. Еще раз о черном попе Ермогене // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2015. Вып. 7. С. 41–49.
- Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: Документальное повествование. Иркутск, 2008.
- Мангилев Петр, прот. Ермоген // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 647–648.
- Пушкарев В. А. «Народное мнение на стороне его святости»: к вопросу о канонизации иеромонаха Ермогена, первого подвижника веры и благочестия на Амуре // Культура и наука Дальнего Востока. 2021. № 2 (31). С. 54–59.
- Степанов Д. Ю. Русская Православная Церковь в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в последней трети XVII века // Родина. 2012. № 10. С. 140–144.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2022. Vol. 106. P. 99–131
DOI: 10.15382/sturII2022106.99-131

Vladimir Pushkarev,
Candidate of Sciences in History,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Russian History and Foreign Languages,
Amur State Medical Academy
Blagoveshchensk, Russia
amurhistory@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3098-9505>

THE *LIFE* OF ST. GERMOGEN, THE ARRANGER OF KIRENSK AND ALBAZIN MONASTERIES. A UNIQUE DOCUMENT SIBERIAN HAGIOGRAPHY OF THE MID-19TH CENTURY

V. PUSHKAREV

Abstract: Hieromonk Germogen is one of the prominent ascetics of the Russian Orthodox Church who carried out their ministry in Eastern Siberia. He took part in founding two monasteries there in the second half of the 17th century. He was a good shepherd for the first Russian settlers in the Amur region and showed an example of Christian humility and piety. Immediately after his death (in 1690), his popular veneration began, and in 1858 his *Life* appeared. It is a handwritten text made up of two lectures (Rus. *Слово*) delivered on the days of memory of the saint. In 1910, the manuscript was acquired by the Imperial Public Library. This article contains a first publication with commentaries of the full text of the *Life*. A preliminary analysis of the text made it possible to identify the sources used in its compilation and to establish the identity of the hagiographer. At the same time, a significant number of historical facts contained in the text led to the preparation of a large corpus of notes clarifying, supplementing or disproving this information. The *Life* of St. Germogen is a unique specimen of Siberian hagiography of the middle of the 19th century. In addition to the evident historical and cultural value, it is a convincing confirmation of the widespread popular veneration of Germogen in pre-revolutionary Russia; it can also serve as a good reason for his church glorification.

Keywords: hagiography, manuscript, Hieromonk Germogen of Kirensk and Albazin, Archimandrite Gavriil (Voskresensky), Ust'-Kirensky Trinity Monastery, Albazinsky Spassky Monastery, popular veneration.

Reference

- Artem'ev A. (1995) "Ikona Albazinskoi Bozhei Materi" [Icon of the Albazin Theotokos]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniia RAN*, 1995, vol. 5, pp. 131–134 (in Russian).
- Dmitruk A. (2006) *Paterik Sibirskikh sviatykh i podvizhnikov blagochestiia* [Collection of Lives of Siberian saints and champions of piety]. Moscow (in Russian).
- Ignat'iy (Chigvintsev) (2009) "Ieromonax Germogen — molitvennik o zemle Priamurskoi. Istoriia zhizni i sovremennoe pochitanie" [Hieromonk Germogen as a saint champion of the Amur land. Life story and present-day veneration]. *Dorokhinskie chteniia*, 2009, vol. 3, pp. 22–30 (in Russian).
- Kazarian A. (2005) "Gavriil (Voskresenskii)". *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopaedia]. Moscow, vol. 10, pp. 213–217 (in Russian).
- Krasnoshtanov G. (2005) "Vozvrashchenie chernogo popa Ermogena v Kirensk" [The return of the black priest Germogen to Kirensk]. *Izvestiia Arkhitekturno-etnograficheskogo muzeia "Tal'tsy"*, 2005, vol. 4, pp. 7–24 (in Russian).
- Krasnoshtanov G. (2015) "Eshche raz o chernom pope Ermogene" [Once again about the black priest Germogen]. *Izvestiia Arkhitekturno-etnograficheskogo muzeia "Tal'tsy"*, 2015, vol. 7, pp. 41–49 (in Russian).
- Krasnoshtanov G. (2008) *Nikifor Romanov Chernigovskii: Dokumental'noe povestvovanie* [Nikifor Romanov Chernigovsky. Documentary narration]. Irkutsk (in Russian).
- Mangilev P. (2008) "Ermogen". *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopaedia]. Moscow, vol. 18, pp. 647–648 (in Russian).
- Pushkarev V. (2021) *Zhizneopisanie Ermogena Kirenskogo i Albazinskogo* [Biography of Germogen of Kirensk and Albazin]. Blagoveschensk (in Russian).
- Pushkarev V. (2021) "Narodnoe mnenie na storone ego sviatosti": k voprosu o kanonizatsii ieromonakha Ermogena, pervogo podvizhnika very i blagochestiia na Amure ["The opinion of the people is in favour of his sainthood": the issue of canonisation of Hieromonk Germogen, the first champion of faith and piety in the Amur region]. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka*, 2021, vol. 2, pp. 54–59 (in Russian).
- Stepanov D. (2012) "Russkaia pravoslavnaia tserkov' v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke v poslednei treti XVII veka" [The Russian Orthodox Church in Eastern Siberia and the Far East in the last third of the 17th century]. *Rodina*, 2012, vol. 10, pp. 140–144 (in Russian).
- Vanchugov V. (2015) *Pervyi istorik russkoi filosofii: Arkhimandrit Gavriil i ego vremia* [The first historian of Russian philosophy: Archimandrite Gavriil and his time]. Moscow (in Russian).

Статья поступила в редакцию 09.12.2021

The article was submitted 09.12.2021